БОНЧ-БРУЕВИЧ

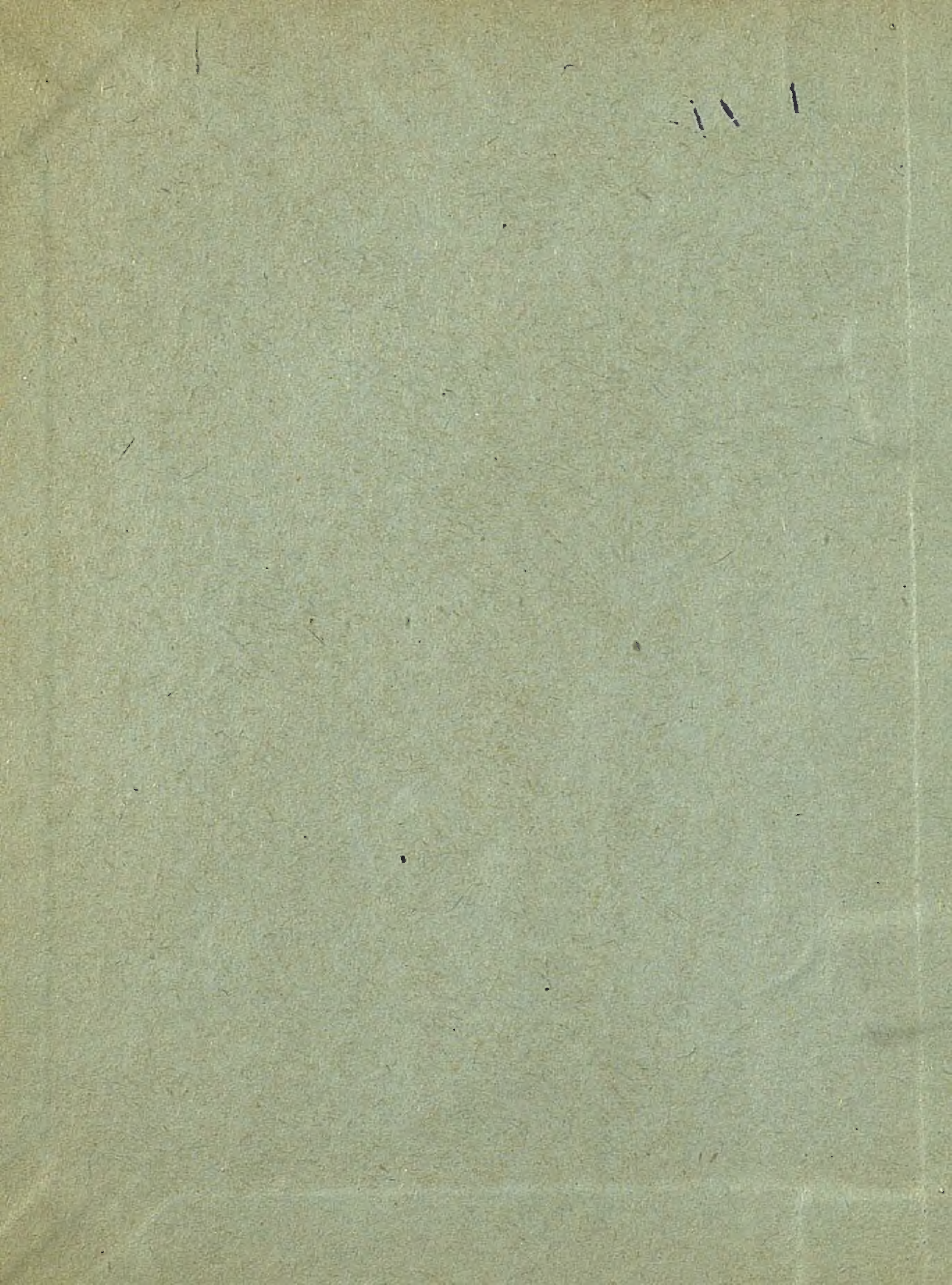
В. И. ЛЕНИН В РОССИИ

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ТРЕТЬЕ-ИЮЛЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА И СОЛДАТ В ГОР. ПЕТРОГРАДЕ

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

С приложением документов

Кооперативное Изд-во „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ"
Москва—1925

Кооперативное издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Библиотека документов, записок и воспоминаний. Кн. 5.

Владимир Бонч-Бруевич.

В. И. ЛЕНИН

В РОССИИ

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ТРЕТЬЕ-ИЮЛЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА и СОЛДАТ В ПЕТРОГРАДЕ.

(По личным воспоминаниям).

С приложением документов.

Москва — 1925

Главлит № 29239. Тип. АОМС им. М. И. Рогова. Тираж. 20000.

В. И. Ленин в России после февральской революции до июльского вооруженного выступления пролетариата и солдат в гор. Петрограде[1]).

I.

Все это было так еще близко, так недавно, мимолетно, промелькнувшее и как мгновенный сон, и как тысячелетие, полное событий потрясающих, ликующих, ужасных, радостных.

Борьба за власть восставшего народа. Смена побед и поражений. Близость достижений мечтаний лучших деятелей и борцов за социализм всех народов и всех эпох. Неожиданность катастроф, ставивших власть диктатуры пролетариата на острие ножа, на край пропасти, куда, казалось, вот-вот рухнет все взятое в беспрерывных боях, взятое тысячами и сотнями тысяч жертв и нечеловеческих усилий. Рухнет безвозвратно, навсегда, на сотни лет, для торжества самой дикой, варварской всесветной реакции, желающей истребить двадцать пять процентов «бунтующих рабов» востока,—как это хотели и как об этом заявляли главари английских интервенций,—

---

[1]) Эта моя работа была отдельными главами впервые напечатана в Ленинском номере журнала „Молодая Гвардия“ (№ 3), а продолжение ее тоже в журнале „Молодая Гвардия“ (№ 5, стр. 1—25).

дабы сотни лет ни пахарь, ни рабочий, не мог бы поднять свою побежденную голову от земли к солнцу... Так мечтали доведенные до бешенства, до садистических исступлений белогвардейцы, капиталисты, помещики и все прочие воры народного счастья, доведенные до полного отчаяния победным шествием славных, на весь свет прославленных, всеми н а р о д а м и воспетых—грозных батальонов революционных, восставших народов России.

Все это было так еще близко, так недавно...

И в этом недавно-близком разве не видим мы, как из среды волнующихся и переливающихся из края в край бесконечных людских масс, поднимается он, истинный сын своего народа, великий вождь и мститель за вековое угнетение, провозвестник мирового восстания, поднимается и живет в этих массах, вдруг всколыхнувшихся и с севера, и с юга, и с востока, и с запада необ'ятной, беспредельной России, идущих, спешащих на чей-то зов, ликующих и грядущих на смерть с мощною песнью, твердой богатырской поступью, от которой дрожит и зычно отзывается земля, умирающих с радостью во взоре, с призывом на устах, с призывом к смертельной борьбе до последнего издыхания, к борьбе и к победе!

— Мы победим!

— Победим...

— Победим!.. Дружней!.. Еще... Еще...

И понеслось, и засмеялось как на праздник, как на пир, на Керенского, на польский фронт, на Колчака, на Деникина, на англичан, в снежные сугробы севера, на Кронштадт, на Петроград, на Юденича, на Краснова, на чехо-словаков, на финляндских авантюристов, на латышей, на грузинских меньшевиков, на украинских панских наймитов, на Махно, на тысячу восстаний, на Ярославль, на Орел, на Мамонтова, на Царицын и Волгу, в дальнюю Сибирь, на Семенова, Пепеляева, на японцев и всю прочую интервентскую нечисть, пешком, на коне, на кораблях, на пароходах, на аэропланах, и тяжелыми дивизионами, и по железным дорогам, и по проселкам, везде и всюду, скорей, скорей, еще и еще!.. До полной победы на всех фронтах! А там,— передохнуть и вновь за труд, за организацию, за партийную, советскую, профессиональную! За электрификацию, радиостанции, шахты, домны, печи, за курскую магнитную аномалию, за железные дороги... Новые заводы построить, старые открыть, увеличить, соединить, расширить, совхозы организовать. Красную армию одеть, накормить, выучить. Неграмотность долой! Детей призреть, научить, дать радость жизни—они наше будущее! Советский аппарат переорганизовать. Ошибки — их много — исправить, нэп допустить всерьез и на долго, но осторожно следить, проверять, учитывать, калькулировать, строить, организовывать еще, еще и еще...

— Кто это?..

— Все он...

Все оттуда, из этой маленькой комнаты по телеграфу, по десяткам телефонов в Москве, в Петроград, в Харьков, в Киев, в Нижний, в Ростов-на-Дону; к Чичерину—к дипломатам, к послам, конвенции, ноты; Зиновьеву—в третий интернационал, на весь мир... Что вы там спите?.. Проснитесь!.. Надо бороться... Когда же революция у вас там в Германии, в Италии, в Венгрии, в Англии?.. Отстаете?.. Не удается... Опыт сделан?.. Начинайте снова... Еще и еще... Унывать нельзя... Подготовляйте силы... Организуйтесь... Не забывайте оружия... Это лучшая критика—критики социализма...

Тысячи, сотни тысяч, миллионы, десятки, сотни миллионов людей на площадях, на улицах, в городах, в селах, в хуторах, по всей Европе, по всей России, и все дальше и дальше, глубже и глубже на восток и запад—все они слушают тот же призыв. Там, среди поверженных во прах, избитых, замученных и приниженных бесчисленных и неоглядных толп и масс рабов всех цветов, почти уничтоженных белыми рабовладельцами, кичливыми англичанами, хвастливыми французами, бельгийцами, немцами, японцами, американцами и всеми, всеми, кто только лаком до человеческого мяса, до человеческой крови, так хорошо рождающих миллионы долларов, фунтов, франков, рождающих золото, железо и сталь, империалистические войны, смерть и угнетение—слышен все тот же призыв, все тот же голос... Они почти уничтожены, но еще живы и вот-вот, под действием этого голоса, они расправят свою согбенную спину...

Во всем мире, везде и всюду, порабощенные и угнетенные слышат ежедневно, ежечасно один и тот же упорный, твердый, властный голос—голос сердца, голос мысли, голос чувства, голос страсти, голос ненависти, голос беспредельной жертвы, голос любви, голос гнева, голос угнетенного человечества, и этот голос его, выросшего и поднявшегося из множественной толпы, из моря народов, из стальных рядов им созданной пролетарской партии. И он сам выростающий, вздымающийся из этой тверди, из этой толпы мускулистых, твердых как гранит, отходчивых и мягких, страстных, угнетенных, но гордых, бедных и щедрых, грозных и справедливых, отчаянных и кротких, жестоких и любвеобильных, беспощадных и милостивых широкой милостью, он — всех покрывающий и ведущий, твердо направляющий руль, зорко смотрящий в дали безбрежного тумана будущего земли, он — боец из бойцов, кормчий всемирного корабля, муж науки и всесветного знания, истинный революционер и гений революции века нашего, он был вот тут, среди нас, везде и всюду, во всем мире, и в гордые минуты торжествующих побед, и в тяжкие скорбные дни поражений, всегда твердый волей, всегда властный силой власти пролетариата, всегда мощный, всегда светлый разумом, и он... повержен... Его нет...

Сознание мутится, не принимает, отталкивает эту роковую весть, эту огненно-печальную действительность, обжигающую сердце, давящую мозг, уничтожающую и не дающую долго-долго поднять-

ся к жизни... Сознавать, что вон там, на Красной площади, в этом каменном ложе остатков древних стен, взорванных с таким усилием саперами, под этой грудой серо-черных возвышений, где виднеется страшная, жуткая надпись черным,—сознавать, что там сохранно и цело покоится, что вмещало в себя эту бурную, страстную жизнь, сознавать, что вон там, еще дальше, за тридцать верст, чинно, благородно, с особой внимательностью, по всем правилам науки, вспилили череп того, кто владел умами сотен миллионов людей, взрезали мозг, тот мозг, который творил новые миры, вскрыли сердце, бившееся за горе и счастье всех угнетенных во всем мире,—сознавать все это и знать, что его, нашего родного, любимого, близкого более всех близких, нашего Владимира Ильича, более нет и нет навсегда,—это ничем не описуемо, это ужасно, и более чем ужасно!

Не говорить, не писать, а только сосредоточенно думать о нем, — так требует личное горе, личные переживания.

— Говори, пиши, расскажи, еще и еще, сейчас и завтра и еще через неделю,—требуют отовсюду сотни, тысячи, миллионы людей, приведенные к сознанию и к жизни им, этим чародеем слова и власти над сердцами простых тружеников. Как зачарованные, без движения, тихо, внимательно слушают они час и два, и три, сколько угодно, о всех подробностях его жизни, учении, борьбе, об его семейных, об его отце, матери, обо всех.

— Нам нужно о нем знать все, доподлинно,

не откажи, расскажи все, что ты знаешь про него, про нашего Владимира Ильича...—слышно со всех сторон.

— Он — «наш», он «их»,— народный, всенародный, всемирный.

И надо забыть о себе, надо скрепиться, надо взять сердце в руки, и помнить только о нем; и говорить и писать о нем, все что знаешь, все что помнишь. Это надо для них, для его истинных, самых близких друзей, рабочих и крестьян, всех наций, всех народов, всех стран.... Надо писать, вспоминать о его жизни, о его делах и творениях.

И все это было так еще близко, так недавно...

II.

Когда грянула февральская революция, так быстро покончившая с монархией Николая II, мы, петроградские большевики, находившиеся в несомненном меньшинстве во всех вновь возникших учреждениях, принимали, однако, самое активное участие и в борьбе за новый порядок, и за проведение нашей линии, где только было возможно.

Наша партийная газета «Правда» сразу взяла резкий тон по поводу соглашательских тенденций, царивших в то время у огромного большинства членов Петроградского Исполкома и Совета. Это очень многим не нравилось и «Правду» сильно осуждали даже и в наших рядах. До какой степени были в то время отношения обострены, можно понять хотя бы из того, что, когда я напечатал в

Прибавлении к № 1 «Известий» Петроградского Совета Рабочих Депутатов, вышедшем вечером 28-го февраля 1917 года, конечно, не спрашиваясь ни у кого об этом, манифест социал-демократов (большевиков) [2]) о совершившейся революции, то в Петроградском Совете многие встретили меня в штыки и изумлялись, как это «допустили» сделать такое неприличие... Я утешил злопыхателей тем, что сообщил, что, помимо помещения в газете Совета, я отпечатал манифест еще на отдельном листке в количестве ста тысяч экземпляров и что он уже расклеивается по Петрограду, рассылается по фабрикам, заводам и казармам и направлен во все концы России. Это, между прочим, было первое мое прегрешение в «Известиях», за что в дальнейшем, при накоплении моих грехов, я подвергся публичному исповеданию и допросу папой меньшевистских ханжей, самим Церетелли, и в конце-концов, за свою большевистскую веру был лишен редакторского мандата в «Известиях».

Как ни старались мы, большевики, вести свою работу всюду и везде, несмотря на то, что наши силы значительно увеличились прибытием многих и многих товарищей из ссылки с Севера, из Сибири, из тюрем, из провинции, несмотря на то, что «Правда» перешла под руководство Л. Б. Каменева, а к петроградской организации приблизились такие товарищи, как Сталин, несмотря на все это, чувствовалось отсутствие единой воли, единого руководства во всей крайне ответственной работе, в обстановке быстро меняющихся, мчавшихся поли-

---

[2]) См. приложение № 1 к этой книге, стр. 2

тических событий. Все чувствовали отсутствие Владимира Ильича Ленина.

И мы знали, что он там, в Цюрихе томится и изнывает и, конечно, принимает все меры к тому, чтобы как можно скорей прибыть в Россию. Однако, никаких сколько-нибудь верных вестей не было, лишь неожиданно переданная кем-то из приехавших эмигрантов Л. Б. Каменеву статья Владимира Ильича, под заглавием «Письма издалека», напечатанная сейчас же в «Правде», была первой весточкой из Цюриха, первым откликом Владимира Ильича на грандиозные события, совершавшиеся тогда в России. У нас проснулись смутные надежды, что как-нибудь, вслед за письмом, не приедет ли и он? Но вскоре разнеслось сообщение, что правительства «союзников» России — Франция и Англия — не желают пропустить в Россию ни Владимира Ильича, ни бывших с ним большевиков, ни других политических эмигрантов - интернационалистов, боясь их антимилитаристической революционной агитации, агитации за мир против войны.

Эти сведения были в Исполкоме Совета, но никто из тогдашних лидеров его не принимал ни малейшего участия в том, чтобы помочь нашей политической эмиграции вырваться с чужбины на родину для помощи в революционной борьбе. У главенствующей группы меньшевиков в Совете к тому времени до такой степени были натянутые, враждебные отношения к большевикам, что когда мы после узнали, что швейцарские эмигранты послали много телеграмм в Совет и в течение двух

недель не получили никакого на них ответа, нам это бессовестное поведение деятелей Совета вполне было понятно, ибо и во всем другом мы, большевики, везде и всюду встречали лишь одни помехи.

В конце марта вдруг стало известно, что Владимир Ильич находится в Швеции, в Стокгольме. Как, каким образом он попал туда—никому не было известно... Также не было известно, удастся ли Владимиру Ильичу пробраться далее в Россию, ибо мы все хорошо знали, что на шведской границе Финляндии безгранично и безраздельно уже давно господствуют англичане, зорко следящие за каждым едущим в Россию и из России. Первым желанием было как можно скорей осведомить Владимира Ильича о всем, что происходит в России. Я тотчас послал ему большой комплект газет, а сам засел за писание подробного отчета-письма, в котором хотелось осветить то, что в газетах умалчивалось, не попадало. Прошло несколько дней, как вдруг пришла весть, что Владимир Ильич едет в Россию вместе с другими эмигрантами и будет вечером 3 апреля в Петрограде. Эта весть была совершенно неожиданна для всех.

Петроградский комитет и все отдельные члены нашей партии, узнавшие об этом известии, тотчас же приняли все меры, чтобы оповестить рабочих на заводах, солдат в казармах, матросов в Кронштадте. Газет в этот день не было, заводы не работали, почему и оповещать было очень хлопотно.

Часам к семи вечера мы собрались у здания Петроградского Комитета большевиков, который

в то время помещался в бывшем дворце Кшесинской, и, развернув знамя Центрального Комитета нашей Партии, двинулись к Финляндскому вокзалу. Нас было немного—человек двести—и мы решительно не знали, кто и сколько прибудет к вокзалу. Чем ближе подходили мы, тем чаще встречали отдельные группы и организации рабочих, которые со своими знаменами, стройными рядами двигались все дальше и дальше, туда, к Финляндскому вокзалу. Наконец и мы присоединились к большой колонне демонстрантов-рабочих, слившейся из различных организаций.

Пение революционных песен заливало улицы. Военные оркестры с двигавшимися армейскими частями бодрили и приподнимали настроение. Ясно было, что достойная встреча будет. И когда мы пришли к площади Финляндского вокзала, то здесь уже все было заполнено рабочими и военными организациями. Прибыли мощные броневики и заняли пространство у выхода на площадь из парадных («царских») комнат Финляндского вокзала. Когда мы всходили на платформу, в это время почти бегом прибыли в полном вооружении матросы. Оказалось, что они только что полным ходом, прийдя на рейд на ледоколе, так как на море был ледоход, на катерах вошли в Неву. Получив известие в Кронштадте, что в Петроград прибывает Владимир Ильич, они пробили «боевую тревогу». Весь матросский мир был через несколько минут под ружьем. Когда судовые команды узнали, в чем дело, они радостными кликами приветствовали ошеломившее

своей неожиданностью известие, тотчас организовали сильные отряды для несения почетного караула на Финляндском вокзале и охраны личности Владимира Ильича. На самом быстроходном ледоколе они в ту же минуту отправили своих представителей, приказов им во что бы то ни стало прибыть во-время. А времени оставалось мало. И они напрямик летели в Петроград, на рейде пересели на катера и вошли в Неву и отшвартовались возле Литейного моста, близлежащего к Финляндскому вокзалу.

Беглым маршем прибыли они на вокзал, заняв место почетного караула за двадцать минут до прихода поезда.

— Я прошу вас передать Владимиру Ильичу,— обратился ко мне офицер, командовавший почетным караулом матросов, — что матросы желают, чтобы он им сказал хоть несколько слов...

Я обещал тотчас же по прибытии передать это желание матросов Владимиру Ильичу.

Минуты томительного ожидания тянулись слишком долго. И вот, наконец, завиднелись в туманной дали огоньки... Вот змейкой мелькнул на повороте ярко освещенный поезд... Вот ближе и ближе... Вот застучали колеса, забухал, запыхтел паровоз и остановился...

Мы бросились к вагонам. Из пятого вагона от паровоза выходил Владимир Ильич, за ним Надежда Константиновна, Зиновьев, еще и еще товарищи...

— Смирр-но!.. — понеслась команда по почетному караулу, по воинским частям, по рабочим

вооруженным отрядам, на вокзале, на площади... Оркестры заиграли приветствие и все войска взяли «на караул».

Мгновенно стихли человеческие голоса, только слышны были голоса труб оркестров, и потом вдруг, сразу, как бы все заколебалось, встрепыхнулось и грянуло такое мощное, такое потрясающее, такое сердечное «ура!», которого я никогда не слыхивал...

Владимир Ильич, приветливо и радостно поздоровавшись с нами, не видавшими его почти десять лет, двинулся было своей торопливой походкой и когда грянуло это «ура!», приостановился, и словно немного растерявшись, спросил:

— Что это?

— Это приветствуют вас революционные войска и рабочие,—кто-то сказал ему.

Мы подходили к матросам.

Офицер со всей выдержкой и торжественностью больших парадов,—рапортовал Владимиру Ильичу, а тот недоуменно смотрел на него, очевидно совершенно не предполагая, что это все так будет.

Я шепнул ему, что матросы хотят слышать его слово. Владимир Ильич шел по фронту почетного караула. Командовавший офицер попросил его вернуться.

Он сделал несколько шагов назад по фронту почетного караула, который так лихо и торжественно встречал своего вождя, остановился, снял шляпу и произнес приблизительно следующее:

— Матросы, товарищи, приветствуя вас, я еще не знаю верите ли вы всем посулам Временного Правительства, но я твердо знаю, что, когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают— вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, безхлебье, на земле оставляют помещика... Матросы, товарищи, нам нужно бороться за социальную революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата! Да здравствует всемирная социальная революция!

И он двинулся далее по шеренгам и рядам в «царские» комнаты, где его приветствовали представители Петроградского Исполкома. Это приветствие, исходившее, по обязанности, от соглашателей меньшевиков, было весьма кислое, официальное, явно лицемерное... Все они прекрасно чувствовали, что с прибытием Владимира Ильича начнется настоящая борьба, не прикрытая какой-либо льстивой, хитрой фразой, а борьба прямая, честная, открытая, достойная классовой борьбы пролетариата.

Лишь только Владимир Ильич вышел на под'езд вокзала, лишь только заметили его, как грянуло вновь всепокрывающее, потрясающее «ура», перешедшее в под'емное ликование народных, рабочих и красноармейских масс. Хоры музыки, всеобщее пение революционных песен, крики и возгласы— все слилось в один певучий рокот, столь же грозный, как рокот океанской волны. Когда, наконец, массы затихли, Владимир Ильич тут же с крыльца

произнес свое первое приветствие к собравшимся народным массам, подчеркивая все те же моменты, что и в первой своей речи к матросам.

Броневая команда предложила ему войти в броневик, на котором сни хотели доставить его в Петроградский Комитет большевиков. Отправляя других товарищей в автомобилях, я подумал:

— Вот он, только что вернувшийся из-за границы, всесветный мятежник, и тут, с первых минут своего общения с масами, уже влил в них совершенно иное настроение, поднял другое истинно пролетарское знамя... Вот он, чуть согнувшись, бодро вошел в броневик, и в этой маленькой крепости, охраняемый верными сынами народа, движется все далее и далее, смело рассекая волны народного моря, все дальше и ближе к заветной цели, путеводной звездой манившей его всю жизнь...

Не является ли это неожиданное путешествие в броневике прообразом могучей силы и власти, которая идет вместе с ним к сомкнутым рядам пролетариата, солдат и матросов—этих рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры?..

Прожекторы полосовали небо своими загадочными, скоробегущими снопами света, то поднимающимися в небесную высь, то опускающимися в упор в толпу. Этот беспокойный, всюду скользящий, трепещущий свет, играя и переливаясь, то по облакам и тучам, то освещая движущиеся толпы людей, еще более волновал всех, придавая всей картине этой исторической встречи какой-то таин-

ственный, волшебный, революционно-возбужденный вид.

Окруженный тысячными толпами рабочих, над которыми реяли бесчисленные знамена, Владимир Ильич медленно шествовал на броневике во главе этой своеобразной, самочинно, из недр петроградского пролетариата, вылившейся импозантной, громадной демонстрации. Владимир Ильич несколько раз во время пути должен был говорить речи к народу, который не уставал его слушать, жаждал его слов. Наконец, все эти массы прибыли к помещению нашего петроградского партийного комитета.

Владимир Ильич, усталый и видимо взволнованный всей этой встречей, которой он не ожидал, о чем тут же, несколько надорванным голосом и говорил окружавшим его, расположился немножко отдохнуть, расспрашивая всех о событиях, работе, об организации... Толпы народа требовали речей. Ряд товарищей выступали с балкона. Владимир Ильич тотчас же пересел поближе, желая, очевидно, послушать, с чем обращаются к народу наши агитаторы. Слушал очень внимательно, иногда одобрял, иногда, улыбаясь, говорил свое любимое словечко «гым! гым!», что означало, что это неверно, это сомнительно, это не так... Но когда вдруг выступил один крайне нервный, почти истерически настроенный товарищ, и стал источным голосом взывать к толпе, призывая ее к немедленному восстанию и городя бесконечные анархические фразы, не имевшие в себе реального содержания, Владимир Ильич, спросил:

— Кто это выступает?

Ему сказали.

— И это тоже большевик? — с усмешкой спросил он.

А тот, точно желая всем особенно понравиться, размахивая из всех сил руками, крича совершенно исступленным голосом, извиваясь и вертясь, все более и более нагромождал один призыв на другой, громил, уничтожал, призывал, побеждал...

— Нет, это невозможно... — сказал Владимир Ильич,—его надо сейчас же остановить... Это какая-то левая чушь...—заключил неожиданно он.

Оратора с трудом, наконец, остановили и он, изнемогающий, вошел в ту комнату, где был Владимир Ильич, очевидно, жаждя и крепко надеясь получить высокое одобрение...

Владимир Ильич молчал и в комнате воцарилась неловкая тишина.

Оратор невыдержал и, обтирая пот, струившийся с его затылка и лба, скороговоркой обратился к Владимиру Ильичу:

— Ужасно много работы... Вот в день раз по двадцать приходится так выступать...

— Раз по двадцать... Гм... — произнес медленно Владимир Ильич и улыбнулся.—Нет, товарищ, напрасно вы так себя мучаете.. Не надо... Совсем заболеете... Поберегите лучше себя... Да и не нужно все это... Фразы, крик...

— Позвольте, — перешел в наступление, сразу возбудившийся оратор, — да ведь это и есть самый настоящий большевизм, а вот они...—и он показал

на стоящих здесь же товарищей,—не соглашаются со мной, даже ругают...

Владимир Ильич откачнулся на спинку кресла и весело, заразительно засмеялся.

— Ругают, говорите...—Ну, ругаться не надо. Зачем?.. Не соглашаются, говорите... — Очень хорошо...—Товарищи, — вдруг деловым тоном обратился он к комитетчикам,—чем ругать его, надо ему дать немножко отдохнуть и перевести на другую работу, обязательно перевести, — отчеканил он,— там, где поменьше говорить...—прибавил он.—И тотчас перешел в другую комнату.

Растерявшийся, до большой степени самовлюбленный оратор, стоял на одном месте, беспомощно разводя руками, кому-то что-то доказывая. Когда он вскоре хотел опять двинуться к балкону, чтобы еще и еще угостить жаждущих новой порцией вспышко-пускательского словесного добра, путь ему был прегражден и товарищи рабочие твердо сказали ему:

— Довольно тебе, не нужно, слышь, что Владимир Ильич говорит, а ты все прешь свое... Сколько раз говорили мы тебе, что это не нужно, не так, ну вот и договорился...

Совершенно разобиженный оратор махнул рукой, ушел в другую комнату, претенциозно развалился в кресле и ожесточенно стал уминать бутерброды с колбасой, запивая их крупными глотками полуостывшего чая...

Так с первой ночи своего прибытия в Россию Владимир Ильич стал осторожно и неуклонно ле-

чить «левые болезни», нередко, а иногда и эпидемически, охватывавшие ряды нашей партии и в то же время выравнивая справа налево тех, кто вдруг, может быть, неожиданно для самих себя, стали прихрамывать на левую ногу.

Владимиру Ильичу пришлось еще выступить этой ночью несколько раз с балкона дворца Кшесинской к все еще нерасходившимся толпам рабочих и жаждавшим его слова. Здесь же состоялось большое, торжественное заседание представителей районов Р. С. Д. П. (большевиков) Петрограда, Кронштадта и окрестностей. Наконец, около пяти часов утра он уехал ночевать, вместе с Надеждой Константиновной, к своей сестре Анне Ильиничне Елизаровой.

III.

На другой день, утром, Владимир Ильич затребовал, прежде всего, комплекты газет, вышедших с первого дня революции, которые, как оказалось, он еще не видал. В этот же день он сделал свой первый доклад сначала большевикам во фракции Государственной Думы и многих удивил своими теоретическими положениями и взглядами на ход развертывающихся революционных событий.

Его попросили сделать такой же доклад в главной зале Таврического Дворца, где прежде заседала Дума и где теперь безраздельно господствовал Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Собрание должно было быть расширенным,

на нем захотели присутствовать меньшевики и рабочие, не входившие во фракцию.

В зале было много народа. Небольшое число большевиков сидело в левом секторе думских мест, а Владимир Ильич напротив, в линии председательского места. Около него засели самые отчаянные меньшевики, и было чуждо, и было странно видеть его в таком окружении. Наконец, слово было предоставлено ему. Он легко и привычно-торопливо взбежал на трибуну и, не обращая внимания на рукоплескания из нашего угла, тотчас же приступил к своему изумительному анализу российской действительности.

С полной откровенностью заявил он,—вызвав ядовитые усмешки со стороны патентованных политиков-меньшевиков,—что он имел и очень мало времени и очень мало материала для наблюдения,—«всего один рабочий попался мне в поезде»,—сказал он, — вызвав сдержанный, но весьма заметный смешок на правых скамьях,—«вот почему мои рассуждения будут несколько теоретичными, но полагаю, в общем и целом, правильными, соответствующими существу всей политической обстановке страны».

Конечно, самовлюбленные меньшевики и с.-р., тогдашние властители дум и искусные соглашатели с буржуазией, не только не были согласны с Владимиром Ильичом, но они всячески издевались промеж себя по поводу этого его заявления, находя его просто смешным, скандальным... Ведь вот они все время болтают с массами, произнося тысячу

и одну речь к ним везде и всюду по поводу того или иного события или совсем без повода. Им ли не знать настроение, желания и ожидания масс? А тут вот является эмигрант, говоривший «с одним рабочим» и не только отрицает весь их образ действий, но совершенно иначе анализирует все события, совершенно другие выдвигает задачи революции, совершенно по иному формулирует лозунги масс, лозунги борьбы, ниспровергая все фетиши революции, требуя немедленного мира, прекращения войны, требуя хлеба и земли народу.

Владимир Ильич громко, отчетливо формулирует, иллюстрирует и доказывает свою точку зрения, и в зале постепенно воцаряется безмолвная тишина. Когда он отрывисто произнес слово «братание», относившееся к солдатам, находившимся в окопах,—кто-то из особо взвинченных депутатов с фронта, почувствовал себя, очевидно, уязвленным до глубин своих высокопатриотических чувств, взвился с своего места, сделал несколько шагов по направлению к трибуне и стал ругаться самым отчаянным образом. В зале зашумели. Председатель стал останавливать протестанта. Владимир Ильич примолк и спокойно, улыбаясь, выжидал, когда страсти улягутся.

— Товарищи,—начал он снова,—сейчас только товарищ, взволнованный и негодующий, излил свою душу в возмущенном протесте против меня, и я так хорошо понимаю его. Он по-своему глубоко прав. Я, прежде всего, думаю, что он прав уже потому, что в России об'явлена свобода, но, что же

это за свобода, когда нельзя искреннему человеку,—а я думаю, что он искренен,—заявить во всеуслышание, заявить с негодованием свое собственное мнение о столь важных, чрезвычайно важных вопросах? Я думаю, что он еще прав и потому, что, как вы слышали от него самого, он только что из окопов, он там сидел, он там сражался уже несколько лет, дважды ранен, и таких, как он—там тысячи. У него возник вопрос: за что же он проливал кровь, за что страдал он сам и его многочисленные братья? И этот вопрос—самый главный вопрос. Ему все время внушали, его учили, и он поверил, что он проливает свою кровь за отечество, за народ, а на самом деле оказалось, что его все время жестоко обманывали, что он страдал, ужасно страдал, проливая свою кровь за совершенно чуждые и безусловно враждебные ему интересы капиталистов, помещиков, интересы союзных империалистов, этих всесветных и жадных грабителей и угнетателей. Как же ему не высказывать свое негодование? Да ведь тут просто с ума можно сойти! И поэтому еще настоятельней мы все должны требовать прекращения войны, пропагандировать братание войск враждующих государств, как одно из средств к достижению намеченной цели в нашей борьбе за мир, за хлеб, за землю.

Большинство впервые слушали Владимира Ильича, и когда вглядывался в эти серые, прокопченые лица солдат, эти угрюмые лица крестьян и растерянные лица многих рабочих, примыкавших к меньшевикам, с.-рам и другим тому подоб-

ным фракциям и группам, я чувствовал, что в их душах уже началось колебание, чреватое великим переворотом. Ведь все то, что говорил Владимир Ильич, ведь это все было так близко, так родно им самим, и надо только, чтобы рассеялся туман ложного патриотизма, надо только, чтобы спала пелена с их глаз, дабы немедленно загорелся бы в них священный порыв к действительному освобождению от политических и социальных уз, сковывающих и их самих, и всю страну.

Набатным колоколом звучал твердый и уверенный голос Владимира Ильича, когда он, с раз'яснениями и коментариями, произнес свой замечательный, как бомба взорвавший всех соглашателей, третий параграф его во истину исторических тезисов: «Никакой поддержки Временному Правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии требования чтобы это правительство, правительство капиталистов, **перестало** быть империалистским» [3]).

— Как, — возопили всюду,—мы, революционеры, делавшие февральскую революцию, мы, облекшие доверием Временное Правительство, можно сказать, создавшие его, все время ведущие с ним переговоры, добивающиеся от него уступок, манифестов, требований и провозглашений,—мы, оказывается, сообщники капиталистов, империалистов?.. Да он с ума сошел!

[3]) См. ст. В. И. Ленина „О задачах пролетариата в данной революции“. (Стр. 16, собр. соч. т. XIV, часть 1-я).

Одни требовали его удаления, другие презрительно молчали. Стоит ли, мол, говорить с сумасшедшим? А он, отчетливо и ясно, пережидая рокот возмущения, раз'яснял один за другим свои тезисы, которые охватывали все вопросы до партийного переустройства страны, парламента, «обновления Интернационала» и пр. и пр.,—вообще все то, что через полгода, волей судеб и революционного народа, он должен был осуществлять в суровой русской жизни.

Предусмотрев все, до образования совхозов включительно, он вселил всей своей речью и дважды прочитанными тезисами, такую сумятицу, такое волнение в умы его слушателей, что с этого исторического выступления Владимира Ильича на другой день после приезда его в Россию, собственно и начинается преддверие, подготовка Октябрьской революции. Именно в этот исторический момент был заложен первый основательный теоретический камень великого здания Октября.

Все тотчас же «разделилось на ся», все забродило, да так, что теперь и передать трудно.

Лишь только окончил свою речь Владимир Ильич, покрытую гораздо более значительными рукоплесканиями, чем его вступление на трибуну, первым застрельщиком оппозиции, совершенно неожиданно для всех, выступил бывший член большевистского Ц. К. партии, ныне умерший, Иосиф Петрович Гольденберг, тогда почти только что вернувшийся из ссылки, из Астрахани, где провел около пяти лет после отсидки в предварительном

заключении, вернувшийся сильно поправевшим и растерявшим весь свой пыл одного из лучших наших ораторов, растерявшим все теоретическое обоснование большевистской тактики, и превратившийся в умеренного социалистического реформатора, не желавшего ни на иоту отклоняться от пути Европы в деле завоевания парламентского строя и связанных с ним буржуазно-демократических свобод.

Он, хорошо ранее знавший Владимира Ильича, работавший с ним и пользовавшийся его уважением, вошел на трибуну взволнованный, бледный, решительный. Речь его была кратка, ясна, ярко разделившая всех присутствовавших на два враждебных лагеря.

— Так долго пустовавшее, десятилетия не знавшее себе наследника, место гениального анархиста Бакунина—теперь занято,—провозгласил Гольденберг. — Все, что мы слышали только что здесь, является полным отрицанием всей социал-демократической доктрины, всего научного марксизма. Тут ярко и четко провозглашен анархизм. Его глашатай, наследник Бакунина—Ленин. Ленина социал-демократа, Ленина марксиста, Ленина, вождя нашей боевой социал-демократической партии нет. Родился новый Ленин — Ленин анархист. Также нет более большевизма, если большевики примут эту новую и столь неожиданную концепцию,—есть анархизм, анархизм чистейшей воды, доподлинный бакунизм.

Взывая ко всем быть крайне осторожными с новым «исповеданием веры» Владимира Ильича, где водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии, Гольденберг призывал всех сплотиться, дабы бороться с новой, столь неожиданной опасностью, которая нахлынула на Россию с этим приездом наших «заграничных друзей».

Это последнее ехидство было во истину возмутительно, и Гольденберг покинул трибуну, под негодующие крики левой.

Владимир Ильич спокойно слушал, записывая кое-что в тетрадку и, видимо, был изумлен этой речью Гольденберга, опустившегося с высоты социализма до пошленького демократизма и ярого оборончества. Любопытно здесь же отметить, что этот столь ответственный товарищ, ушедший от нас в самый тяжелый момент жизни нашей партии, предавший политической анафеме и самих большевиков и их вождя, которого он так давно и прекрасно знал, перекочевал без всякого стеснения от крайней левой к крайней правой — от большевиков в «Единство» Плеханова.—После Октябрьской революции, поскитавшись довольно долго за границей,—Гольденберг явился опять в Россию и уже не в Петроград, а в Москву, для того, чтобы «признать» совершившийся факт победы пролетарской революции под водительством того, кого только он еще так недавно развенчивал от социализма и водружал на пустовавшее место Бакунина. Он, видите ли, убедился, что «Владимир Ильич был прав» в своем прогнозе, что надо

теперь работать всем вместе, помогать друг другу, и еще много-много кислосладких слов слышали мы от него... Жаль было видеть этого старого товарища, так зашатавшегося в самые тяжелые дни жизни нашей Партии, и пришедшего с покаянной тогда, когда победа пролетарской революции вполне определилась. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но, вспоминая все обстоятельства этого дела, вспоминая, что тот же Гольденберг, без всяких оснований возвел на Владимира Ильича такой отвратительный политический поклеп, что будто бы Владимиром Ильичем было «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии», что в обстановке того времени было воистину ужасно, вспоминая, что Владимир Ильич должен был тотчас же в «Правде» от 7 апреля 1917 г., заявить, что он пишет и говорит, между прочим, и для «добросовестных оппонентов», противопоставляя этим последним «господина Гольденберга», т.-е. изобличая его в явной недобросовестности, невольно приходится сказать: «избави нас бог от друзей!..» А сколько было их, совершенно отсутствовавших в те тяжелые дни, шипевших и изрыгавших хулу, потом пришедших, водворившихся и с таким жаром везде и всюду доказывающих теперь, что, мол, «и мы пахали...».

Впечатление от доклада Владимира Ильича было колоссальное. Всем стало ясно, что прекраснодушному мирному житию меньшевистско-эсеровского Совета рабочих депутатов и Временного правительства, наступает несомненный конец; что каждый день, и письменно, и устно, и своим влияни-

ем, Владимир Ильич вместе с друзьями будет неустанно и неугомонно подтачивать все позиции— большие и малые,—которые эти политические деятели намеревались прочно, всерьез и на долго занять.

IV.

В то время я с другими товарищами редактировал «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», выход которых организовал в первый день февральской революции.

Прийдя в редакцию на другой день после встречи В. И. Ленина, я тотчас же написал статью с подробным описанием этой встречи [4]). Как раз так случилось, что, кроме Авилова, никто в редакции в этот вечер не было, а так как Авилов ничего не имел против напечатания этой моей статьи, то я и пустил ее в номер. На другой день, когда эта моя статья появилась, все остальные редактора «Известий» пожимали плечами и упрекали меня, как-будто я сделал что-то ужасное и недопустимое. В Президиуме все эти Богдановы и ему подобные— теперь бесследно исчезнувшие, а когда-то так много шумевшие, с озлоблением набросились на меня:

— Мы знаем,—вопили они,—это вы написали...

— Конечно я,—отвечал я им спокойно.

— Нет, так нельзя, в этом надо разобраться... Печатать такие статьи о приезде какого-то там Ленина...—Это не допустимо...

---

[4]) См. приложение № 2 в конце этой книги, стр. 132.

Меня это взорвало и я просто отчитал этих маленьких людишек, в своем самомнении не знавших предела.

Я хотел тотчас же выйти из редакции. Но решил, прежде всего, посоветоваться с Владимиром Ильичем. Он запротестовал.

— Ни в коем случае не уходите сами. Нам важна каждая позиция. В «Известиях» мы все-таки можем кое-что помещать, печатая и статьи, и резолюции, и мы должны все это использовать...

И я остался в редакции «Известий».

V.

Владимир Ильич засел за редакторскую и писательскую работу в партийном органе «Правда». Его взгляды были столь новы, что даже ближайшие его товарищи, проработавшие с ним десятилетия, стали ему оппонировать, с ним не соглашаясь. Дискуссия возгорелась всюду среди большевиков. Работа в «Правде» в общем и целом шла дружно, но бывали дни, когда атмосфера и там накаливалась очень сильно. Прежде всего тезисы Владимира Ильича породили ряд недоумений среди ближайших его литературных и партийных друзей. Л. Б. Каменев наиболее с ним разошелся в понимании и оценке момента и выступил в «Правде» же с рядом фельетонов, в которых он возражал Владимиру Ильичу. Владимир Ильич тотчас же отвечал на вопросы дискуссии в различных заметках, статьях, брошюрах, речах, все более и более вдал-

бливая свою систему взглядов на современность и классовую политику пролетариата ближайшего будущего, постепенно и терпеливо завоевывая все большее число сторонников в Партии. Споры, особенно в редакции, бывали в высшей степени ожесточенными и мне не раз приходилось наблюдать, когда в тесном помещении редакции, в этой маленькой продолговатой комнате, Владимир Ильич сидел и напряженно работал за столом, имея ближайшими соседями Каменева, Зиновьева, Сталина или когонибудь из других постоянных сотрудников «Правды». Они также, с таким же изумительным рвением и усердием, свойственным только людям фанатизированным одной все захватывающей идеей, тесно связанной с массовой борьбой повседневной жизни, работали здесь, рядом с Владимиром Ильичем. Достаточно было тому или другому прочесть отрывок из только что написанной статьи, где высказывались мысли, несогласные с тем, о чем писал и говорил Владимир Ильич, как тотчас возгорался пылкий спор. Громадная напряженность мысли сверкала искрометными огнями теоретиков и практиков все более разгоравшейся революционной борьбы, и Владимир Ильич, несравненный, страстный полемист, ожесточенно отбивался направо и налево, не щадя оппонента, доказывая, убеждая, смеясь, иронизируя и нередко разом кладя на обе лопатки теоретического противника, чтобы вновь углубиться в писание или изучение материала. Гробовая тишина вдруг наступала в редакционной комнате, после столь неожиданных бурных вспы-

шек ожесточенной теоретической борьбы и все углублялись в работу, ища и испытывая новые и новые аргументы для подтверждения того или иного понимания оценки момента, что составляло главнейшую сущность политического дня того быстро текущего времени, постоянно рождавшего новые события громадной важности. Это кипение жизни, красочно и многогранно отражалось в бурном кипении страстей политических партий и не менее бурных и страстных обсуждений всех откликов на события дня, их оценки и лозунгов в нашей Партии с.-д. (большевиков) и в нашем главном штабе—в редакции газеты «Правда».

Владимир Ильич терпеливо, настойчиво изо дня в день раз'яснял свою точку зрения, и с каждым днем его сторонников все прибывало.

Выступая на собраниях, конференциях, совещаниях, беседуя с каждой отдельной группой рабочих, проводя резолюции и распространяя их тотчас же в большом количестве экземпляров всюду— он, таким образом, исполнял сам то, о чем заявил он в своем первом выступлении, что «терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, раз'яснение ошибок и тактики» [5])—есть единственный способ для современного момента в борьбе против того шатающегося курса, который взял Совет Рабочих Депутатов в лице всех «мелко-буржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию бур-

[5]) См. ст. В. И. Ленина „О задачах пролетариата в данной революции" (тезисы), стр. 18, т. XIV (первая часть) полного собрания его сочинений.

жуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов»[6]).

Все эти раз'яснения имели колоссальное значение для рабочих фабрик и заводов и там, где вчера еще были при голосованиях в большинстве представители меньшевиков и с.-ров, вдруг, неожиданно для себя, они получали или меньшинство, или такое незначительное большинство при грозных атаках ораторов из глубины рабочих масс, что сразу становилось ясным, что февральская революция начинает постепенно переходить на другие рельсы.

Если меньшевики и социалисты-революционеры отвечали на пропаганду Владимира Ильича и его верных друзей и единомышленников злорадным ворчанием, всеми формами остракизма, мешанием в работе, мелкими уколами, шпильками, инсинуациями и политическими щипками, то кадеты и вся их пресса,—более правая или более левая,—поднимала всюду такой отвратительный вой, прямую травлю, науськивание самых темных элементов на большевиков вообще и на Владимира Ильича в особенности, что становилось вполне возможным предположение о прямой небезопасности личности Владимира Ильича, наших партийных учреждений, редакций, типографий.

Правившая страной буржуазия сразу почувствовала во Владимире Ильиче своего заклятого классового врага, сразу поняла, что это не «контактная комиссия», через которую можно втирать

---

[6]) См. там же.

очки пролетариату, что здесь все вопросы будут поставлены ребром и при малейшей оплошности классового врага, при первой возможности, таившиеся, зревшие и с каждым днем все более организовывавшиеся силы пролетариата, под умелым руководством, тотчас же перейдут от обороны к нападению.

Что было делать этой безвольной, киселеобразной, бесталанной русской буржуазии, прекрасно умевшей собирать барыши, но еще не чувствовавшей себя, как организованный, стойкий класс, который мог бы противостоять могучему напору противоположному, ей враждебному классу, или защищать свои собственные интересы с оружием в руках во что бы то ни стало? Вечно бывшая на поводу у самодержавного поповско - дворянского правительства, вечно прятавшаяся за широкую спину полицейского, казака, попа, урядника и миссионера,— теперь, когда оковы самодержавия пали, когда буржуазия была предоставлена самой себе, она быстро сумела заработать лишнюю копеечку на рубль, накинув под шумок, пользуясь своей властью, цены на уголь, на ситец, на хлеб, но политически, организационно она не проявила себя ни в чем. Более предусмотрительные и дальновидные ее члены, как Гучков, Милюков и др., везде и всюду твердили всякими намеками, что их классу пора взяться за ум, пора организовываться, вооружаться и пр. Но что они могли сделать? Их положение было воистину несчастно и до невероятности глупо. Иностранные послы требовали от них наступления на фронте во

что бы то ни стало. Рабочие, измученное крестьянство, громадное большинство солдат, несмотря на весь шовинистический туман, изо дня в день напускаемый и ораторами, и газетами, и всеми другими способами, — получили уже полное отвращение к войне и хотели мира, мира и мира... Чувствуя крах войны, наиболее осторожные из дельцов торговли, промышлености и биржи спешили переводить свои деньги и ценности в английские, французские и американские банки, готовя себе не отступление, а бегство...

Буржуазия принимала восьмичасовой рабочий день, а ей пролетариат не верил и тотчас же требовал повышения ставок, смещения директоров и проч. Что оставалось делать этим новоявленным русским политикам, метущимся, как буридановы ослы, между подачками народу и железными требованиями империалистических союзников? Для народа они выставили Керенского, этого полубольного, нервного, возомнившего себя, без всяких на то оснований, вождем народных масс, крикливого, фиглярствующего, беспринципного адвоката, который, совершенно забыв, что «во многом глаголании не есть спасение», хотел пустозвонной фразой заменить реальность чаяний и ожиданий истомленного, истерзанного войной народа. Для своего спасения русская буржуазия подготовляла военного диктатора, которого готова была повенчать на любое царство, лишь только он обеспечит достаточное количество штыков и сабель для настоящей расправы с бунтующим плебсом, захватившим Петро-

град, Москву и иные центры. Но так как оставалась беспрерывная опасность врыва извнутри, который несомненно и почти открыто подготовляли эти неуживчивые, эти неугомонные большевики, то надо было сломить их во что бы то ни стало, всеми средствами, которые только знает всемирная буржуазия. Какое же первое, наиглавнейшее средство, наиболее сильно действующее оружие в арсенале этих всемирных плутов и опытнейших политических спекулянтов и мошенников? Конечно, клевета, еще раз клевета, клевета везде и всюду.

Они прекрасно знали, что как не опровергай клевету—всегда, хотя бы на время, хоть что-либо от нее останется, ибо, «хорошая слава лежит, а дурная—по дорожке бежит». Они не рассчитали только одного. Классовое чутье пролетариата всегда верно подсказывает рабочим неоспоримое, упрямое чувство: что нахваливает буржуазия—того опасайся, что ругает—к тому прислушивайся, ибо здесь что-либо да есть на пользу рабочего класса.

VI.

Еще в марте и особенно в апреле, когда, благодаря упорной линии Владимира Ильича, большевистская организация все более и более укреплялась, овладевала рабочей массой и везде и всюду разоблачала буржуазию, кадетская, прогрессистская, октябристская и всякая другая пресса — вплоть до меньшевистской, плехановской и с.-ровской, подняли отчаянную травлю большевиков вооб-

ще и Владимира Ильича в особенности. Травля Владимира Ильича начинала принимать такие размеры, такие формы, что, очевидно, все это более не должно и не могло быть терпимо.

Центральный Комитет нашей партии выпустил несколько воззваний специально по этому поводу [7]), подробно раз'яснив всем ту чудовищную неправду, которую распространяли такие подлейшие газеты того времени, как «Русская Воля», «Речь», и даже «Единство», опиравшееся на авторитет потускневшего Плеханова. В редакцию «Известий Петроградского Совета» все более и более стекалось сведений не только о погромной агитации против большевиков, газеты «Правды», нашего Петроградского Комитета и Ленина, но стали получаться прямые указания на подготовляемые насилия. Я неоднократно поднимал вопрос и в редакции «Известий», и в Исполкоме, что мы обязаны эту травлю прекратить, раз'яснить населению всю гнусность работы вышеперечисленных газет и каких-то тайных организаций, предлагал перепечатывать резолюции нашего Ц.К., П. К. и других организаций. Каждый раз я встречал такое неприлично-злобное рычание со стороны всех тогдашних небольшевистских, так называемых социалистических деятелей, что злоба закипала в груди, а когда Гольденберг, с улыбкой Иудушки, сказал: «Что же тут удивительного? Что посеешь, то и пожнешь...»—мне стало просто невмоготу. Я решил действовать в «Известиях» самостоятельно, на свой собственный страх, надеясь только на поддерж-

[7]) См. приложение № 3 и 4, в конце этой книги (см. стр. 135—140)

ку со стороны тов. Авилова. Придя как-то вечером в редакцию для окончательного просмотра номера, я нашел на столе целый ряд писем и заметок, подобранных мне одним из секретарей, в которых в самых подлых выражениях отзывались неизвестные люди о нашей партии, а несколько писем говорили прямо, что Владимира Ильича надо немедленно убить, растерзать, сжечь, бросить в Неву и пр.

Предел был перейден. Я сел и написал статью под названием «Чего они хотят?», в которой требовал «решительно и твердо везде и всюду прекратить эту травлю». Тут подошел т. Авилов. Я прочел ему статью и сказал, что я за своей ответственностью сейчас же пускаю ее в набор. Авилов заявил мне, что он эту ответственность готов всегда разделить со мной и что он, хотя и не согласен с Владимиром Ильичем во многом, но это нисколько не мешает ему крепко его уважать и, конечно, он всегда за то, чтобы оградить его от всякой травли. Это заявление меня очень тронуло. Я знал, что Авилову известно резко отрицательное мнение Владимира Ильича о некоторых его статьях. Я тотчас же отдал мою статью в набор и она появилась передовицей в № 43 «Известий Петроградского Совета». Статья эта была без моей подписи и я никому не говорил о своем авторстве, которое, конечно, вскоре разоблачилось.

Почти все рабочие районы тотчас же перепечатали эту мою статью отдельной прокламацией, расклеили ее по заводам и фабрикам. Петроградский Комитет расклеил ее на улицах и распространил по

казармам, а наши газеты «Правда» и провинциальные перепечатали ее полностью или в выдержках.

Я позволю себе ее перепечатать здесь, так как Владимир Ильич, когда узнал через несколько дней о том, что автором этой статьи являюсь я, интимно трогательно и никогда незабываемо для меня, товарищески поблагодарил за это мое одинокое выступление.

Вот ее текст:

Чего они хотят?

Вот уже несколько дней по всему Петрограду идут слухи, смущающие всех, кто принимал участие в деле русской революции. Какие-то темные личности расхаживают по улицам, рынкам, баням, лавкам, собирают толпы и всюду и везде возбуждают легковерных людей, призывая народ арестовать тов. Ленина, бить его, громить редакцию газеты «Правда» и пр., и прочее. Нужно ли говорить, что вся эта погромная агитация ведется с определенной, заранее обдуманной, преступной целью?

Темные силы прилагали все меры после революции, чтобы возбудить вражду между рабочими и солдатами. Помните, как они старались? Помните, как всюду и везде эти гады старого порядка, прихвостни черной сотни, облепляли исстрадавшихся людей, стоящих в очередях, и говорили, и шептали всем и каждому, что хлеба нет,—будет еще хуже. Рабочие не работают и из-за них нас побьет немец. И что же? Все это оказалось гнусной клеветой и ложью. Как только сами солдаты и рабочие приня-

лись за дело—сейчас же все выяснилось: и та, и другая сторона обследовали все вопросы, вынесли свои постановления и сразу зажали рот уже начавшей было поднимать голову черной сотне. Черная сотня увидела, что сорвалось у них это дело и сейчас же начала искать нового случая, чтобы вновь и вновь внести раскол в массы.

Приехал Ленин, занявший крайнюю позицию во взглядах на нашу революцию. С ним стали не соглашаться, и вот вместо того, чтобы спокойно обсудить вопрос, сейчас же темные силы, черная сотня и продажные газеты стали распространять по Петрограду ложные сведения, черные слухи, умышлено искажая его мысли и взгляды, внося и сея смуту, натравляя всех и каждого на тов. Ленина.

Чего они хотят?

Для чего это им нужно?

Да для того, что они прекрасно знают, что междоусобица—самое выгодное дело для них. Они, эти проклятые люди, спят и видят, ждут и не дождутся того радостного дня, когда рабочие и солдаты перессорятся между собою—тогда наступит их праздник. А отчего, по какой причине начнется ссора,—не все ли им равно? Подвернулся Ленин: великолепно! Не было бы Ленина—начали бы с другого какого-либо конца, выдумали бы какой-нибудь другой, новый предлог. Травля тов. Ленина,—бесчестная и отвратительная,—нужна этим темным силам и поддерживается их газетами для того, чтобы как-нибудь начать травлю против социалистов вообще, а потом перейти и против Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, а далее,

авось, мол, удастся все перевернуть по-старому. Вот почему, товарищи рабочие и солдаты, надо решительно и смело прекратить эту бесчестную травлю, так же решительно, как мы прекратили травлю рабочих, когда черной сотне так хотелось поссорить рабочих и солдат.

Можно соглашаться или не соглашаться со взглядами тов. Ленина, можно самым решительным образом спорить с ним, выставлять свои мнения против его мнений, но разве можно, у нас, в свободной стране, допускать мысль, что вместо открытого спора будет применено насилие к человеку, всю жизнь свою отдавшему на служение рабочему классу, на служение всем угнетенным и обездоленным?

Решительно и твердо, везде и всюду, прекратим эту недостойную мерзкую травлю и вновь скажем всем темным силам: как ни старайтесь, с какой стороны ни подходите, но мы не позволим вам вмешаться в наше дело революции, и ни вам, и никому другому, никогда не удастся разделить великую силу нашей революции—рабочих и солдат» [8]).

Но, что сделалось с членами редакции «Известий»? Что сделалось в Президиуме, в Исполкоме, с отдельными членами меньшевистской фракции и прочими пресмыкающимися? Не успел я выпустить номер и разослать его повсюду и только прилег дома отдохнуть, как телефонный звонок вызвал меня по экстренному делу. Бесноватый голос вопил из Таврического: «как вы смели напечатать без разрешения Президиума эту отвратительную за-

---

8) См. „Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“ № 43, 17 апреля 1917 г., Петроград.

метку!..». Я говорившего послал к чорту и повесил трубку.

Ко мне звонили без перерыва и спрашивали, не знаю ли я, кто автор этой статьи? Когда я узнавал в говорящем крупную особу, я тотчас же заявлял, что написал это я и спокойно спрашивал: «как вам нравится? Вы конечно, присоединяетесь к основным мыслям?» Персона обыкновенно мычала, шипела и вешала трубку. Я ликовал, хохотал, ясно видел, что попал в цель. Редакция «Известий» мне заявила, что это скандал, что я поступил бестактно и вторично по одному и тому же поводу,— первый раз вспомнили мою статью о приезде Ленина. Я напомнил им, что они ошибаются: что это уже в третий раз совершаю я им столь не нравящееся дело. В первый раз, напоминал я им, готовы были меня вы уничтожить тогда, когда я, без вашего разрешения, напечатал манифест с.-д. большевиков о свержении самодержавия и о разразившейся февральской революции. Что же касается этой моей последней статьи, я сейчас же заявил им, что верх бестактности и наглости просто говорить об этом, ибо выходит так, что они хотели бы, чтобы Владимира Ильича убили.

Авилов решительно поддержал меня и заявил, что он полагает, что нужно систематически разоблачать подобные гнусности и писать о замыслах черной сотни и всех ее соратников.

Когда я появился в Президиуме Исполкома— Церетелли отворачивался от меня, а добродушный Чхеидзе спросил: «что это, батенька, вы там без

спроса напечатали—это нельзя!..» Я ему резко ответил, что я полагаю, что писать и разоблачать новых деятелей черной сотни нужно без спроса, а тех, кто в этом сомневается, надо гнать в шею из социалистических партий.

— То есть это как? Кого?

— Да, конечно, всех нас,—крикнул злобный и в злобе своей всегда отвратительный меньшевик Богданов.

— Тех,—ответил я,—кто думает, что убить Владимира Ильича, разгромить «Правду», уничтожить большевиков—очень приятно, очень хорошо...

— Ну, зачем же убивать? Об этом никто не говорит...—тотчас же раскрался этот по существу добродушный, с хитринкой, наиболее честный из меньшевиков.

Я очень хорошо знал, что мне это даром не пройдет. Действительно, очень скоро меня и всех членов редакции «Известий» вызвали в Президиум Исполкома, и инквизитор меньшевиков, отличавшийся звонкой фразой, самовлюбленный до самозабвения, — адвокат Временного Правительства, Церетелли—учинил мне допрос, на тему: «Како веруеши?»

Я, конечно, тотчас же заявил, что убеждения мои неизменны, что я как был большевиком, таковым есть и буду и в качестве такового всегда и всюду буду при всех удобных случаях проводить большевистскую точку зрения на события и всеми мерами помогать и в «Известиях» нашей Партии, являющейся самым могучим отражением действи-

тельного соотношения сил и несомненной воли революционного пролетариата.

Авилов солидаризировался со мной, хотя и сделал некоторые оговорки на счет своего несогласия с некоторыми лозунгами Владимира Ильича, но вслух заявил, что он—большевик. Стеклов—старался отмалчиваться, а когда пришлось и ему сказать, он заявил, что он на все имеет свою точку зрения, пока совпадающую с точкой зрения Исполкома, а потому он может себя считать правоверным редактором «Известий». Гольденберг, как истинный ренегат, улыбаясь и шутя, заявил о само собой понятном несогласии его, Гольденберга, представителя старой традиции с.-д. партии, с беспардонными уклонами в анархизм так называемых современных «большевиков», ничего не имеющих общего с настоящими большевиками, а потому... потому он и есть единственно правоверный большевик, охотно будет работать с меньшевиками за одинаково дорогую им и ему идею социал-демократической, а не анархической борьбы. Тут я впервые ясно понял, насколько был прав Владимир Ильич, предлагавший сейчас же изменить название нашей Партии, отвергнуть старое название «социал-демократии» и начать называться «коммунистами»—этим славным именем исторических времен Маркса и Энгельса, связанным с традициями первого интернационала.

Мелкие людишки Президиума Исполкома, к тому времени чрезвычайно еще более измельчавшие, развратившиеся властью, усвоившие все отвратительные стороны зазнавшихся политиканов и по-

литических интриганов, затявкали на меня со всех сторон, что это невозможно, непозволительно, недопустимо—«лишить его мандата!» «Сейчас!» «Немедленно!», при чем особенно хамское усердие проявил меньшевик Богданов и адвокат Брамсон, которого я почти не знал и который примазался, кажется, к трудовикам. Он был, в сущности, самым даурядным кадетом, со всеми замашками и увертками умеющего устраивать делишки адвоката второго разряда и, конечно, мнившего о себе, как о самом что ни на есть замечательном революционере. Кажется, никто не говорил таких более возмутительных политических пошлостей на всех заседаниях, чем этот мелкотравчатый господин, смотревший на рабочих, как на нечто такое, что без необходимости болтается и мешается «у них», все понимающих, в ногах. Как его терпели в Исполкоме и просто не выгнали вон, это мне совершенно непонятно и может быть об'яснено лишь малою классовою воспитанностью рабочих того времени, да разлагающим влиянием деятелей партии меньшевиков. Теперь в России такому господину вряд-ли удалось бы произнести хоть несколько слов на любом самом отсталом рабочем собрании, а тогда... Тогда эти прихвостни буржуазии играли большую роль даже в Президиуме Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Таковы были времена, таковы нравы!

Я с облегченным сердцем сдал мандат на члена редакции. Так же поступил и Авилов. В редакцию вошли Дан и еще кто-то из с.-р. и, вместе с остав-

шимися членами редакции, стали праздновать там свою черную тризну, чтобы очень вскоре быть мною же удаленными из редакции «Известий», когда мне пришлось осуществлять в октябре суровую диктаторскую волю революционного пролетариата Красной столицы.

VII.

21 апреля 1917 года, как только в рабочих кварталах стало известно, что Милюков послал ноту заграничным союзным державам, что Россия примет все меры к поддержанию наступления и будет придерживаться своей старой внешней политики, т.-е., что Россия будет втягиваться в войну, требовать анексии, контрибуции и пр.—там тотчас же начались митинги. Наш большевистский Петроградский Комитет дал лозунг, конечно, одобренный Владимиром Ильичем: всюду и везде разоблачать двуличность политики Временного Правительства и соглашательскую позицию меньшевиков и с.-р., не принимавших никаких мер к опротестованию этой политики и тем явно покрывавшей ее.

Наши агитаторы тотчас же рассыпались по всем заводам, фабрикам, казармам. На митингах быстро выявилась воля рабочих к демонстрации и наши районы тотчас же получили экстренное предписание к выступлению на улицы для всеобщего шествия по Невскому, Литейному, Владимирскому, Садовой и другим центральным улицам. Весть о демонстрации разнеслась мгновенно и я никогда не помню более восторженного желания решитель-

во всех итти туда, на улицы, к массам, для демонстрации сил пролетариата, дабы Временное Правительство знало бы, а соглашатели Петроградского Совета поняли бы, что воля пролетариата направляется в другую сторону, и ни в коем случае не туда, куда хотят насильственно вовлечь организованные силы рабочего класса.

Когда Путиловский завод выступил как один, грозными рядами, идя по Садовой, имея внутри своих колонн довольно значительные, перемежающимися пачками, отряды красной рабочей гвардии, то контр-демонстранты, будущие контр-революционеры, заполонившие к этому времени Невский, встретили путиловцев свистом, криками, насмешками. Рабочие не отвечали, а молча шли, исполняя свой революционный долг, и в этой спокойной поступи слышалась твердая уверенность, могучая воля к власти, к наступлению, к победе. Класс против класса, рабочие против банковских и министерских чиновников, рабочие против лавочников, рабочие против военных щеголей, которых всегда так много шаталось в тылу действующих армий, рабочие против приверженцев Временного Правительства, рабочие против буржуазии всех мастей, рабочие, встретившиеся наперекрест с своими заклятыми, давнишними, вековечными врагами, да— это был момент полный трагизма, момент предвещавший многое. Достаточно было одного слова, чтобы эти банды капиталистов, их наемников и прислужников были бы избиты смертным боем, ибо рабочих было слишком много, и вся эта

печесть Невского проспекта могла бы быть в несколько минут разметана в прах.

Но пароль был дан: «мирная демонстрация!» — так сказал Петроградский Комитет большевиков, так утвердил Центральный Комитет, того хотел Владимир Ильич и этого, конечно, было более чем достаточно, чтобы дисциплинированные рабочие, грозными, сильными рядами, с оружием в руках, с развернутыми знаменами, с лозунгами мира и свободы, под звуки музыки, под пение боевых революционных маршей, шли и шли бесконечной чередой, то рядом с контр-демонстрантами по Невскому, то пересекая контр-демонстрантов по Владимирскому и Садовой.

Приспешники буржуазии не могли равнодушно смотреть на это торжественное многознаменательное шествие. Они выли от негодования, острили, издевались над красной гвардией, над боевыми руководителями пролетариата, готовыми на все, вполне уверенных в беспредельной преданности им подчиненных бойцов. Какие-то буржуазные, разряженные дамы тут же, в пику рабочей гвардии, осыпали приветствиями и цветами первого попавшегося офицера-золотопогонника, тем самым подчеркивая свою ненависть к истинным защитникам и носителям революционной традиции и борьбы, подчеркивая свою нескрываемую преданность к старому режиму, старому укладу образа жизни. Когда Путиловский завод почти оканчивал свое длительное шествие и когда к нему в затылок должны были примкнуть по-

доспевшие ряды Песковского и Невского районов, чтобы вместе шествовать на Марсово поле, где должен был состояться всеобщий митинг-протеста, здесь, из толпы негодяев Невского проспекта, со стороны Публичной библиотеки, в затылок проходившим, раздался провокационный револьверный выстрел. Среди рабочих один упал, сраженный пулей. В это время тут же, в толпе, раздались два выстрела и кто-то закричал, что он ранен. Дамы визжали, что они видят убитых, хватались за виски, метались, и готовы были бежать без оглядки. Паника быстро стала распространяться по обоим направлениям Невского проспекта среди контр-демонстрантов. Наши отряды на Невском стояли спокойно, выдержанно, хмуро, и, несмотря на происшедшее минутное замешательство на углу Садовой, тотчас же, как только кончились ряды путиловцев, примкнули к ним, плотно в затылок не дозволив контр-демонстрантам прорваться, как намеревались они это сделать. Последний отряд красной гвардии путиловцев, заслышав выстрелы, по приказу командира, взял ружья на перевес и так прошел между стен беснующейся, клокочущей злобой, но всегда трусливой и панической буржуазии. Вся эта бульварная сволочь, запрудившая одну левую сторону Невского, если смотреть на Адмиралтейство, ясно почувствовала, что шутить с рабочими не приходится, что достаточно было движения пальца и Невский был бы очищен и все эти толпы были бы разметаны рабочими, стоявшими грудь против груди с контр-рево-

люционерами, отрядами и колоннами пересекавшими и разделявшими буржуазию по заранее намеченному плану по ряду артерий, идущих перпендикулярно к Невскому. Эти веселые дамы и их бесящиеся кавалеры того и не подозревали, что по личной инициативе Владимира Ильича, прекрасно изучившего природу уличного боя, при разработке плана демонстрации, «на всякий случай»,—как выразился тогда Владимир Ильич,—контр-демонстранты были взяты в тройные клещи пролетарских отрядов и колонн «мирной вооруженной демонстрации» рабочих Петрограда. Они, очевидно, это сообразили после, когда пытались удирать с Невского и все время наталкивались лицом к лицу на стоявших рабочих Песковского, Невского, и других районов, или на демонстрирующие колонны, шедшие по всем улицам, перпендикулярным Невскому, всегда готовых замкнуть в мышеловку представителей буржуазии и всех друзей Временного Правительства и, таким образом, разделить силы контр-демонстрантов в любой момент, если бы потребовалось, и раздавить на смерть любую их часть, приперши к домам левой стороны Невского. В любом месте Невского, если бы дошло дело до вооруженного столкновения, мы могли быстро подать нашим отрядам значительную помощь из резервов боковых улиц, переполненных рабочими, уже прошедшими Невский проспект, или, наконец, с Марсового поля, где рабочие скапливались все более и более, насчитывая много десятков тысяч.

Но было твердо решено, чтобы демонстрация была, хотя и вооруженная, но мирная... Я был во главе Песковского района, который стоял на углу Невского и Малой Садовой, как раз в то время, когда раздались эти провокационные выстрелы, и вместе с товарищами принял все меры, чтобы вполне понятное возмущение и негодование рабочих, к тому же, как мне вполне было известно, хорошо вооруженных, не перешло бы границ.

И я помню, какое изумление было написано на лицах против нас стоявших контр-демонстрантов, когда по знаку отделенных начальников-демонстрантов, имевших красные перевязи на левой руке, водворился стройный порядок и как раз, как только закончилось шествие путиловцев и тех, кто присоединился к ним на Садовой, строй наших пролетарских колонн повернулся—«направо!» и под пение «Смело, товарищи, в ногу...», покрывшего все крики и возгласы устремившейся было за рабочими буржуазии, примкнул к путиловцам.

Я перед лицом истории утверждаю, что со стороны организованных рабочих, участвовавших в этой демонстрации, не было сделано ни одного выстрела, несмотря на явную провокацию буржуазных элементов и их прихвостней затеять свалку и на этом кровавом деле разыграть то, что им было так нужно: об'явить рабочих бунтующей массой, производящей насилия над мирными гражданами, ввести осадное положение в красной столице и за ним пригласить почетной стражей порядка и спокойствия донских казаков, дикую дивизию, полки

Краснова, Корнилова и других им подобных. Но и здесь русская буржуазия оказалась никуда негодной. Она этих «пустяков», так ловко устраиваемых в соседних европейских странах, не могла произвести как следует, с толком, и только дала нам возможность проверить на деле выдержанность, стойкость и подчиненность партийной большевистской организации пролетарских масс, которым так скоро пришлось уже быть в настоящем боевом пороховом дыму.

Мы бодро подошли к Марсовому полю и по заранее условленному плану, я, с другими товарищами, тотчас же поехал на Васильевский остров, где в помещениях Морского училища был созван митинг ответственных партийных работников, и, конечно, там присутствовал весь Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Пробившись через громадную толпу поближе к своим, я обратил внимание на запыхавшуюся фигуру Дана, почти бегом поспешавшую к трибуне, к председателю и просившего слово для внеочередного экстренного заявления.

Я подумал: «неужели у него заговорила совесть и он, потрясенный расстрелом рабочих, тотчас же внесет протест от своей партии меньшевиков?»

Какой там!

Дрожа от негодования, шипя от захватившего его бешенства, он источным голосом возопил, на этот раз совершенно потеряв все свое, обычно ему присущее хладнокровие:

— Товарищи,—приблизительно так сказал он,— пока вы тут сидите и рассуждаете о высокой политике,—разговор шел о преподлейшей ноте Милюкова,—там на Невском проливается невинная кровь. Я только что оттуда, я сам это видел. Рабочие, вышедшие с оружием в руках на улицу по призыву тех «социалистов»,—иронически подчеркнул он, — которые называются большевиками, пустили оружие вход и расстреляли целый ряд мирных граждан, бывших на Невском. Там валяются убитые, раненые... Позор этим деятелям! Кровь невинных жертв падет на их головы! Но мы не может допустить, чтобы на улицах воцарялась анархия, мы должны принять экстренные меры к водворению порядка, мы должны перестать здесь болтать и я предлагаю немедленно всем здесь присутствующим, всем депутатам Совета, отправиться на улицы и своим примером, примером спокойствия и рассудительности, водворить порядок...

Часть собрания поддалась провокации, но тут же потребовали слово другие ораторы и раз'яснили, что ничего подобного нет и не было, что было произведено несколько выстрелов со стороны буржуазии, что есть раненые рабочие, которым оказана медицинская помощь в ближайшей аптеке, что митинг на Марсовом поле продолжается и что Совету следует немедленно приступить к дальнейшему обсуждению поведения кадетов и Временного Правительства вообще.

Эти спокойные деловые заявления подействовали успокоительно и было решено послать комис-

сию от Совета для выяснения дела на месте, а также предложено желающим пойти на улицу, но таковых оказалось мало. Собравшиеся кричали с мест, что пойдут, но после заседания.

Мне было совершенно понятно бешенство Дана, ибо он, как умный человек и может быть наиболее дальновидный меньшевистский политик, не мог не понять, что эта первая вооруженная демонстрация, происшедшая по прямому призыву большевиков и вопреки воззваний меньшевиков и директив Совета, являлась первой крупной организационной и тактической победой нашей Партии за послефевральские дни. Он не мог не понять, что меньшевистские властители дум начинают выдыхаться и что их власть начинает все менее простираться на действительно революционные ряды пролетариата и если где еще имеет значительное влияние, то среди выборных с фронта, куда в большинстве попали не солдаты из окоп, а писаря, фельдфебеля, фельдшера и прочая «письменная» братия, отнюдь не представлявшая мнение той серой солдатской массы, которая была до крайности раздражена действиями агентов Временного Правительства, что нередко и проявляла активно в возмущениях, побоях представителей не только правительства, но и Совета.

При перевыборах в Совет это вполне подтвердилось. Дан видел эти стройные, сомкнутые, хмурые и решительные ряды рабочих и не мог не понимать, что кто не с ними, тот против них и что эта сила зреет, спеет, дабы разрешиться красным полы-

мем социальной революции. Бешенство Дана было и понятно, и законно... Но совершенно непонятно было мне это его стремление сорвать заседание Совета и несуществующими трупами невинных жертв... из буржуазии... увлечь собравшихся на уже постепенно пустующие улицы, еще бурлившие лишь около Марсового поля и тем самым прекратить обсуждение весьма важных политических вопросов. Одно из двух: или действительно ему померещились трупы невинных жертв, очевидно, столь близкой ему публики Невского проспекта, этих контрдемонстрантов, ставших грудью против рабочих,—это я могу допустить, так как известно—«у страха глаза велики». Или он преднамеренно, без всякого аффекта, с заранее обдуманной целью, произнес свою взволнованную речь, дабы сбить с толку собравшихся и тем самым помочь Временному Правительству, с которым он всегда был не прочь столковаться, и которое сейчас так неожиданно попало в большую беду, в большой просак, кончившийся, как известно, удалением двух основных министров, этих столбов и кряжей Временного Правительства, всей славы и надежды буржуазии: сначала Милюкова, потом Гучкова.

И Временное Правительство, и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и Ц. К. нашей партии по поводу событий выпустили ряд прокламаций и воззваний, ярко характеризующих их точку зрения. Наиболее типичные мы печатаем в «Приложении» этой книжки [9]).

[9]) См. в конце этой книги Приложения №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10 (стр. 140—154).

В фабрично-заводских кварталах эта демонстрация рабочих, против которой выступила вся буржуазия и контр-революция,—отозвалась как громкое горное эхо. Только и было там разговоров о том, что делалось на Невском. Рабочие в первый раз увидели своих классовых врагов лицом к лицу в воинственной позе контр-демонстрантов. Выстрелы подлили масла в огонь и негодованию не было конца. Большевики, бывшие все время на улицах с массами, сразу поднялись в глазах тех рабочих, которые ранее еще их не знали. Меньшевики и Совет, где они правили, почувствовали первый раз после февраля, что почва колеблется под их ногами и тотчас же направили туда в рабочие кварталы и своих агитаторов и громадное количество литературы: прокламация выходила за прокламацией, где революционная словесность лилась во всю, где повторялись все левые фразы, где произносились все заклинания, где раздавались все проклятия, и где из-за каждой строки виднелось и между строк читалось шипение и клокочущая злоба на этих нетерпимых большевиков.

Но «соловья баснями не кормят»... Рабочий класс сразу вырос, стал чувствовать, стал понимать, что здесь что-то не то, что его обманывают, насторожился, притаился...

Ряды большевиков сильно пополнились за эти славные дни.

VIII.

Владимир Ильич в эту эпоху все время не только принимал деятельное участие, но собственно руководил всей работой Ц. К. и П. К. большевиков, стремясь делать основное свое дело:—раз'яснять пролетариату его ошибки, для чего он пользовался решительно каждым шагом противника. От партии с.-д. большевиков был введен в президиум Совета тов. Л. Б. Каменев, который твердо и неуклонно, пользуясь решительно каждым случаем, делал заявления, предлагал тексты резолюций, говорил речи на всех собраниях, на всех заседаниях и таким образом, большевистская точка зрения, большевистские резолюции, нередко не собиравшие должного большинства, все-таки должны были публиковаться во всей советской прессе и делали свое огромное дело раз'яснения истинного положения вещей.

Достаточно было меньшевикам прокламировать демонстрацию пролетариата под видом «процессии на могилу жертв революции», которую они назначили на 18 июня, в тот день, когда метущийся авантюрист Керенский бросил часть русских войск в наступление, чтобы Владимир Ильич тотчас же решил эту демонстрацию-процессию превратить в действительную демонстрацию против Временного Правительства и всех его приспешников, в том числе и против меньшевиков и против с.-р.

Меньшевики и с.-р. поняли, что нельзя более молчать перед массами, когда вновь бросают десятки тысяч солдат на убийство на фронт, и хотя они и сами только семь дней тому назад с пеной у

рта, отстаивали перед Советом лозунг запрещения демонстрации, об'явленной большевистским Ц. К. на 10 июня по поводу подготовляемого Керенским наступления,—теперь они сами забегали по районам, приглашая всех на запоздавшую демонстрацию, в сущности по тому же поводу, который ранее их предусмотрели и выставили большевики. Владимир Ильич энергичнейшим образом настаивал на превращение этой мирной демонстрации в демонстрацию-протест против об'явленного наступления на фронте. За мир, против войны, за Советы, против Думы; против союзников, против капиталистов и империалистов всех стран... Он писал лозунги, посылал во все стороны проверять, действительно ли заготовлены надписи, плакаты, знамена... Требовал, чтобы всего заготовлено было бы много, очень много, чтобы большевистские лозунги затмили все остальные, чтобы было заготовлено много ораторов, воодушевленных лозунгов: «Долой войну, да здравствует мир!» и сам записался в список ораторов на Марсовом поле. Он также заботился о корреспондентах для прессы, давал им нужные инструкции, учил их. Составлял телеграммы в провинцию, —одним словом развивал свою необычайную энергию, всех подталкивая, всех подбадривая, все организовывая, проверяя и руководя.

Демонстрация 18 июня прошла почти исключительно под лозунгами большевизма. В демонстрации участвовали не только рабочие, но и воинские части. Она произвела огромное впечатление на всех, ибо ясно указывала на сильное полевение масс и

на организованное стремление проявить открытую активность большевистским петроградским комитетом нашей Партии и тесно связанных с нею чисто пролетарских организаций.

Владимир Ильич приехал прямо на Марсово поле и лишь только он поднялся на трибуну, как вся площадь обнажила головы и от края и до края этой огромнейшей площади понеслись несмолкаемые, громовые клики демонстрантов: так рабочий класс Петрограда и воинские его части все более и более признавали своего истинного вождя и безраздельно преданного им друга.

IX.

Эта демонстрация с еще большей ясностью подчеркнула совершенное несоответствие мелко-буржуазных, мещанских вожделений многих депутатов Совета, где огромное большинство принадлежало провинции и фронту, с тем истинным настроением боевого пролетариата, этой действительной опоры революции, которое господствовало всюду на фабриках и заводах.

Во время этой демонстрации по требованию группы рабочих были освобождены из одиночной Петроградской тюрьмы некоторые политические, которых правительство Керенского заключило в тюрьму по преимуществу за антимилитаристическую пропаганду. Этот сам по себе небольшой факт, однако, ярко свидетельствовал об определенной враждебности в массах к действиям Временного Правитель-

ства, которое по этому поводу поспешило издать прокламацию [10]).

«Раз'яснения», очевидно, делали свои успехи и по этой стезе Владимир Ильич шел все далее и далее. Так однажды он обратился ко мне с таким предложением:

— Заметили ли вы,—сказал он мне,—что весь город ежедневно заклепвается теми или другими прокламациями, исходящими и от с.-р., и от меньшевиков и от кадетов. Около них всегда толпится народ и внимательно читает. Эти прокламации несомненно многих сбивают с толку. Нельзя ли сделать так: я напишу прокламацию в вопросах и ответах о том, кто такие большевики, кто такие меньшевики, кто такие эсеры, кто такие кадеты, и чего все эти партии хотят. Мы должны будем организовать так, чтобы рядом с этими прокламациями всегда была бы наклеена наша, напечатанная четко, красиво, заметно... Читатель прочтет прокламации, а потом подряд и нашу и сразу поймет, что это за птицы, сулящие ему три короба всяких благ, и влекущие его и его близких на бойню.

Я сказал, что все это можно сделать и что успех этого дела будет более всего зависеть от размера прокламации.

Владимир Ильич принялся писать, но все время отвлекаемый в сторону, с неделю возился с этой своей работой, а когда она была закончена, оказалось, что вышла целая брошюра и что изда-

---

[10]) См. в конце этой книги приложение № 11, стр. 155.

вать прокламацией нельзя, ибо она заняла бы целую стену.

Владимиру Ильичу не хотелось отступать от задуманного плана, но убедившись в его неосуществимости, он просил меня, как можно скорей отпечатать эту рукопись книжечкой.

Брошюре он тотчас же дал название: «Политические партии в России и задачи пролетариата». Через два дня я принес ему корректуру брошюры, набранную крупным шрифтом. Брошюра должна была печататься в издательстве «Жизнь и Знание», которое я организовал, которым я заведывал и которое считал принадлежащим нашей партии. В этом же издательстве, по личному желанию Владимира Ильича, печатались все его работы, которые он тогда сам пожелал перепечатать и напечатать вновь.

Я стремился выпустить в свет как можно скорей эту брошюру, но хозяева типографии, где она печаталась, оказались близкими к партии кадетов и всеми мерами стали тормозить ее печатание. После нескольких проволочек я поехал в типографию и обратился к рабочим в их комитет, указав на то явное бозобразие, которое творится у них в типографии. Рабочие близко приняли к сердцу мое заявление-протест и на другой день шрифт был спущен в машины и брошюра отпечатана в количестве пятидесяти тысяч экземпляров. Она вновь была задержана брошировской и вышла в свет как раз четвертого июля, в эти тревожные дни, и ее пришлось временно припрятать на складах, так как была угроза конфискации. но числа десятого июля мы

широко пустили ее по рабочим кварталам и первые пятьдесят тысяч разошлись в несколько дней. Мы тотчас же повторили ее вторым изданием.

X.

В конце июня 1917 г. Владимир Ильич почувствовал себя крайне утомленным. В политической жизни наступило затишье. Товарищи стали настоятельно просить его отдохнуть.

Я в это время тоже отправился отдохнуть к своей семье, которая в то время проживала близ станции Мустамяки, по Финляндской жел. дор., в деревне Нейвола, где мы имели небольшую дачу. Владимир Ильич несколько раз собирался к нам приехать, что называется подышать свежим воздухом, но дела не допускали. Уезжая я еще раз сказал ему, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, что комнаты для них приготовлены и ожидают своих жильцов.

У меня было мало надежды, что Владимир Ильич вырвется из петроградского пекла, хотя я и знал, что он уже опять лишился сна, что у него появились головные боли; его лицо побледнело; глаза говорили об очень большом утомлении.

И вдруг неожиданно 27 июня часов в пять вечера, смотрю и прямо не верю глазам своим, помню даже растерялся как-то: шествует прямо на балкон по лестничке Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной всех остальных. За ним Владимир

Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и тут же Мария Ильинична.

Демьян, шутя и каламбуря, заразительно смеясь и радуясь нескрываемой радостью, кричал:

— Вот вам какого гостя веду... Нет, Вера Михайловна, как вам угодно, а по этакой причине без лекарства я не уйду... У меня и так живот болит, а теперь нет-с, по такому счастливому случаю — пожалуйте капелек...

— Это что за капли такие заведены здесь для умирающего Демьяна Бедного?—весело и приветливо заговорил Владимир Ильич, здороваясь с бросившейся ему навстречу Верой Михайловной.

Оказалось, что Владимир Ильич вдруг решил поехать отдохнуть и с вокзала направился, по конспиративной привычке, не прямо туда, где предположил прожить, а на извозчиках к Демьяну Бедному, и уж от Демьяна, когда уехали извозчики, пешком ко мне за полторы версты. Мы, зная привычку и потребность Владимира Ильича нередко оставаться в совершенном одиночестве, прежде всего, показали ему и его спутникам небольшие полумансардовые комнатки, тотчас же рассказали весь порядок дня, время еды и пр., дабы этим предоставить полную свободу действий Владимиру Ильичу. Между собой условились всеми мерами приноравливаться к его потребностям, но сделать это совершенно незаметным для него, ибо мы знали всю величайшую степень деликатности Владимира Ильича, его стеснительность и вечное стремление всем помочь, забыв о себе.

В первый же вечер, когда наступила изумительная финляндская предночная тишина, когда чуть шелестящий ветер еле заметно колыхал нежную дымку вечернего тумана, а яркий закат золотил и разукрасил дали, иссинил поля и бросил в жар и зарево огромного пожара дальний горизонт блестящего сталью, переливающегося, казалось, безбрежного озера, когда вдруг робко, а потом все смелей, все голосистей стали перекликаться ночные птицы, и плавно рея, почти без звука, прошмыгивали где-то близко летучие мыши, сразу шарахаясь в сторону при резком крике совы, когда все утомленное стало дремать под заливной и утешительно-спокойный стрекот кузнечиков и всякой иной луговой братии, бодро живущей по ночам, Владимир Ильич, опершись о спинку кресла, задумался, ушел в себя, при полном молчании всех, к счастью понимавших, что разговоры излишни... И было тихо, тихо...

— Как хорошо... — чуть слышно сказал он и вновь погрузился не то в глубокую думу, не то слушая тишину природы.

И сердце мое дрогнуло...

— Как он устал,—подумалось мне,—как нужно ему отдохнуть... Отдохнуть так, чтобы ему никто не мешал, чтобы вернулся к нему сон, здоровый и крепкий, чтобы природа опахнула бы его своим могучим крылом и, прикоснув к земле, дала бы ему вновь и вновь богатырские силы на гигантскую борьбу, еще только предстоящую ему...

Довольно долго сидели мы так почти молча, изредка перебрасываясь словами в этот незабвенный для меня вечер, когда я, спустя десять лет, мог опять быть, мог опять чувствовать, ощущать, вот здесь близко, того, кого ценил превыше всего, о котором наверно знал, знал всем своим мироощущением, что он именно тот, кто поведет народы к освобождению, что мы, ничтожные и суетные, не достойны того, чтобы развязать ремень у его ноги, хотя так часто мним о себе столь высоко и столь надменно [11]).

— Почему он так прост?—много раз спрашивал я себя, в тысячный раз наблюдая его поразительную, милую, интимную скромность.

— Потому, что он велик...—всякий раз я чувствовал, я слышал ответ.

Он встал и тихонько пошел к себе. Вера Михайловна, более всего беспокоясь об его бессоннице, попросила его выпить заранее приготовленное в рюмочке снотворное зеленоватое лекарство. Он покорно выпил, точно хотел сделать удовольствие всем, и тихонько, задумчиво и грустно, поднялся наверх.

— Лишь бы уснул,—шепнула Вера Михайловна...

— Мы распрощались с Марией Ильиничной. Оставшись внизу, говорили полушопотом, ходили на цы-

[11]) По поводу этих последних моих слов Демьян Бедный приписал мне, по отношению к Владимиру Ильичу, то, о чем я нигде и никогда не писал и писать не мог. („Иоанн Креститель“ и пр. т. п.) (См. его заметку в „Правде“ № 241 от 22 октября 1924 г. „О Воспоминателях“. Мой ответ Демьяну Бедному напечатан в этой же моей книжке, стр. 118).

почках, словно боясь нарушить тишину прекрасного июньского вечера, окутавшего покой Владимира Ильича. И этот покой был для нас священен. На утро оказалось, что Владимир Ильич действительно уснул в эту ночь больше, чем все последнее время и во всяком случае все остальное время ночи, когда крепкий сон стал миновать, провел без головной боли в полусне. Он встал бодрым.

— Как хорош воздух, прямо замечательно хорошо,—сказал он выйдя в сад, осматривая наш маленький огород, и тотчас забросал меня вопросами: какая здесь земля? Много ли надо навоза? Что дает огород? Хватает ли на нашу семью? Сколько нужно поливать? Много ли времени уходит на полку?

— Э, да что с вами говорить,—весело сказал он,—у вас все будет хорошо,—вот мы поговорим с няней,—и он тотчас же стал расспрашивать вышедшую в сад нашу няню, которая, как и мы все, усердно работала все свободное время в огороде.

И когда он узнал, что на тощей финляндской земле, имевшей всего плодородный слой в полтора-два вершка более или менее пригодной для обработки, нам удается, без лошади и коровы, а немного прикупая и, главным образом, собирая навоз по дорогам и копя его каждую мелочь, с маленькой площади вырабатывать своими руками, без всякого наемного труда, кроме вспашки картофельного маленького поля весной, ибо у нас не было лошади, только, сколько нужно нам на всю зиму, и это лишь

нимался огородом, была заведена правильная система его ведения, правильная поливка и удобрение, он сразу заинтересовался всем этим гораздо глубже.

— К нам инструктор приезжает, — с гордостью заявила няня.

— Кто?

— Инструктор,—об'яснил я, — от полуправительственного общества огородников святой Марты, который бывает у каждого, кто занимается огородом в лето раз по пять и бесплатно дает советы как и что лучше делать, чего опасаться, когда могут быть морозы, появилась ли гусеница или другой какой червь и как с ним бороться.

Владимир Ильич сразу насторожился.

— А у нас это имеется?..

— Конечно, нет...

— Здесь, я чувствую, хорошо можно отдохнуть,— сказал Владимир Ильич, беря меня под руку,—но только при одном условии: прошу вас записывайте все расходы и мы после по-товарищески их поделим,—полушопотом говорил он мне,—пожалуйста прошу вас, сделайте именно так, тогда я буду спокоен. Обещаете?

— Конечно, Владимир Ильич, конечно, раз вы этого хотите я буду самым точным счетоводом нашего общежития,—ответил я ему, зная крайнюю щепетильность Владимира Ильича в денежных вопросах.

И разговаривая о хозяйстве, и смотря на кур, которых кормила моя дочь Леля, мы пошли пить чай.

Владимир Ильич,—это стало заметно,—вскоре почувствовал себя усталым, взял плед и отправился под кусты сирени и бузины отдохнуть, полежать, погреться на солнышке...

И здесь под этими кустами, за которыми чуть дальше красовались, как молодые девы, стройные, прозрачные, тоненькие березки,—Владимир Ильич на том же пледе, без подушки и без книг, проводил и после по несколько часов в день.

С каждым днем к нему все больше возвращался сон и сам он становился бодрее.

Нередко он, по большей части с Марией Ильиничной, а иногда и всей компанией, ходил гулять к озеру, на берегу которого он любил по долгу просиживать. Несколько раз я ходил с ним купаться и так как он был замечательный пловец, то мне бывало жутко смотреть на него: уплывет далеко-далеко в огромное озеро, линия другого берега которого скрывалась в туманной дали, и там где-то ляжет и качается на волнах... А я знал и предупреждал его, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и потому крайне глубоко, что в нем есть водовороты, омуты, что, наконец, в нем много тонет людей, и что по всему этому надо быть осторожным и не отплывать далеко.

Куда там!

— Тонут, говорите...—переспросит бывало Владимир Ильич,—аккуратненько раздеваясь.

— Да тонут,—вот еще недавно...

— Ну, мы не потонем...

— Холодные течения, это неприятно...—Ну, ничего мы на солнышке погреемся...

— Глубоко, говорите?..

— Чего уж глубже!..

— Надо попробовать достать дно...

Я понял, что лучше ему ничего этого не рассказывать, так как он, как настоящий, заядлый спортсмен, все более и более каждый раз при этих рассказах начинает распаляться, приходить в задор.

Не успеешь и оглянуться, как он уже побежал по отлогому береговому дну озера, потом сразу сверкнет дельфином, руками вперед, бултых—и пропал... И нет, и нет его...

Какие только мысли в эти тягостные минуты не пройдут в голове...

И вдруг там далеко, далеко, неожиданно выскочит над водой, перевернется на спинку, как-то сядет в воде по пояс, обоими руками приглаживает волосы, венком оторочивающие, поблескивавшую на солнце, голову, утрет лицо, избавляясь от лишней влаги, и кричит, и манит, и рад, и доволен...

— Что же вы там так долго?—здесь прекрасно! Очень хорошо!..

Играет с водой и двигается, и ныряет, точно он всю свою жизнь только то и делал, что плавал и был на воде. И вдруг его опять нет! Ждешь, ждешь... Нет и нет! И опять еще дальше, уже плывет, голова

чуть виднеется, вот лег на спину, отдыхает, потом сразу перевернулся и зачесал саженками, да какими! Сильными, огромными, летит, что твой катер. Большая голова виднеется издали, глаза устремлены, поблескивают...

— Дна не достал, там шибко глубоко. Хо-р-р-о-о-шо!..

И опять замахал, и опять скрылся...

Вот, видимо, решил домой. Быстро перевернулся на спину и еще быстрей, полным ходом, пошел необычно, ногами вперед, а руки, кисти рук, так и мелкают около пояса, как лопасти речного парохода и скоро он приближается и вот кажется совсем уже должен выйти. Но никак не может отказать себе в удовольствии: разом кувыркнулся и пропал, выскочил, опять кувыркнулся...

«Когда же, наконец, вынесут его волны на берег?».

И вот сразу выкатился, как шар, из воды и давай тут же в озере нагонять волну на волну... Поиграл, неожиданно выскочил, и побежал по низкой воде к берегу...

Наконец-то!..

Доволен из всех сил... Хвалит озеро... Хвалит разнообразную температуру... Говорит, как попал в холод,—словно обожгло,—а потом на солнышко. И нырял глубоко: ни травы, ни дна, ничего не видно, даже темно в воде...

Трунит над боящимися воды, говорит, как завтра будет снова купаться... Вижу дело серьезное...

Звать кого-либо в компанию, пловцов хороших, нельзя,—рассердится и купаться не пойдет, лишишь удовольствия, а так—жуть берет. Ведь в самом деле озеро опасное!

Финские рыбаки родившиеся здесь, и те боятся его и не решаются купаться далеко от берега.

Что тут делать?

Решил, тайно от Владимира Ильича, приспособить лодку, с которой я великолепно управляюсь и в былое время на гонках ходил первым. Иду в тот же день нанять и хочу перегнать лодку с другого участка озера поближе к месту купанья.

Меня встречают и спрашивают:

— Кто это с вами вчера купался?.. Ну, и пловец!...

— Это моряк балтийского флота,—родственник мой,—вру я беззастенчиво,—приехал отдохнуть, да вот увидел родную стихию и, как утка, сейчас в воду...

— Ну да, вот и видно, что моряк... Как плавает, как плавает...

По нашим местам понеслась молва о прекрасном пловце-офицере балтийского флота, и я, к ужасу своему, заметил на другой же день, что в часы купания, гуляющих на берегу озера стало больше. Владимиру Ильичу я ничего не сказал, но когда он собрался еще раз купаться, я постарался оттянуть его уход часа на два. Мне было неприятно, что он привлек к себе внимание местных обывателей и дачников.

Владимир Ильич обратил внимание, что, несмотря на то, что берег озера очень велик, отлог и удобен для купания, образовав большой песчаный пляж, купающихся все-таки мало, да и те жмутся за кусты и как-то робко чувствуют себя, стесняются.

— Вот за границей,—сказал он,—это уже превзойдено. Там нигде нет такого простора и, например, в Германии, на озерах такая колоссальная потребность в купании у рабочих, у гуляющей по праздникам публики, а в жаркое лето ежедневно, что там все купаются открыто, прямо с берега, друг около друга, и мужчины и женщины.

— Разве нельзя раздеться аккуратно, и пойти купаться без хулиганства, а уважая друга друга?..—сказал он.

— Конечно, можно,—ответил я ему.—Но, к сожалению, у нас слишком много безобразников и нездорового, почти больного любопытства, что при общей некультурности нередко приводит не только к неприятностям, но и к скандалам.

— С этим надо бороться, отчаянно бороться... Тут должны быть применены меры строгости: например, удаление с пляжа, недопущение к купанию в общественных местах. Купающиеся должны организоваться, выработать правила, обязательные для всех.—Помилуйте, за границей же купаются вместе сотни и тысячи людей, не только в костюмах, но и без костюмов и, однако, никогда не приходится слышать о каких-либо скандалах на этой почве. С этим надо решительно бороться... Нам предстоит большая работа за новые формы жизни, упрощен-

ные и свободные, без поповской елейности и ханжества скрытых развратников.

По мере того, как Владимир Ильич отдыхал, к нему все более и более возвращалась охота побеседовать на злободневные вопросы.

Он стал просматривать газеты. Иногда брал к прочтению вновь вышедшие книжки. Охотно читал романы на английском языке.

Я в то время, между прочими делами, занимался редактированием издательства «Жизнь и Знание», деятельность которого возглавлялась редакционной коллегией, куда входило много наших товарищей по разным отделам и в том числе, как постоянный руководитель политико-общественного отдела, после возвращения своего из ссылки, Л. Б. Каменев.

Коллегия поручила мне разработать детально мое же предложение об издании широкой антирелигиозной библиотеки—от популярной к научной,— в которой читатель нашел бы уничтожающую и убедительную критику всей религиозной доктрины вообще и полное разоблачение православного духовенства в частности и в особенности, как духовенства до последнего времени занимавшего роль господствующего, и после февральской революции, к сожалению, еще мало поколебленного.

Я как-то засел на террасе за обработку черновых набросков предполагаемой программы издания этого отдела, как вошедший Владимир Ильич спросил меня, чем я занимаюсь. Я подробно рассказал ему о задачах издания, о материале, мною

уже намеченном к изданию; показал ему рукописи, в изобилии находившиеся в моем архиве, долженствовавшие войти в сборники по разоблачению православного духовенства, показал список намеченных к изданию работ Бебеля, Лафарга, Каутского, Лютгенау и других. Владимир Ильич все это крайне одобрил, оживился, стал ходить по террасе, говоря, что ему кажется совершенно необходимым сделать выборки из сочинений атеистов и материалистов эпохи великой французской революции, что насмешки и издевательства Вольтера над католицизмом в высшей степени полезны для дезинфекции человеческого ума от миазмов религиозного тумана и представления недосягаемости и неприкосновенности всей той божественной чепухи, которую столько сотен лет внедряли в сознание всех классов населения ловкие пройдохи всех религий всех народов.

— Здесь необходима выдержанная планомерность на все степени развития читателя—от самых популярных листков, разоблачающих религиозный обман, обнаруживаемый в каком-нибудь неудавшемся чуде, раскрытом обмане обновленной иконы, широко оповещающих население о каких-либо проделках, разврате и грабеже духовенства, монахов,—до самого серьезного, научного исследования о происхождении библии, истории религий, истории инквизиций, сборников научных и научно-популярных статей по религиозному вопросу...

— Наши издательства не должны жалеть ни средств, ни сил, ни времени,—говорил мне Влади-

мир Ильич,—на издание листков, листовок, брошюр, книг по этому вопросу. Нам предстоит здесь гигантская борьба, долгая, упорная, осторожная и неослабная. Не надо забывать, что вопросы религии пронизывают весь быт не только крестьянских, но и огромных рабочих масс и мы должны изжить все эти вопросы быта, которые, конечно, связаны с общими условиями всей нашей жизни и борьбы. Однако, просветительная работа здесь должна быть особенно упорна и длительна.

Второй раз он заинтересовался десятками писем, которые я получал с оказией из Петрограда и которые внимательно прочитывал. Это были все письма сектантов с различных концов России, особенно из Предкавказья и северного Кавказа, в которых меня подробно запрашивали о партиях, о том, за какие партии лучше голосовать в Учредительное собрание, как надо относиться к газетным сообщениям о Ленине, к какой партии я сам принадлежу и пр. и пр. Эта политическая переписка, исходившая из самых народных глубин, из сел, деревень, местечек, станиц, хуторов и уездных городишек крайне заинтересовала Владимира Ильича. Он тщательно рассматривал письма, читал и перечитывал их, обратил внимание на простонародный слог их, подсчитывал грамматические ошибки, улавливал особенности языка,—местные выражения, смесь русского языка с украинским и пр.,—и сейчас же засыпал меня десятками вопросов: знаю ли я лично этих людей? Кого знаю, где и при каких обстоятельства познакомился? Кто они такие? Ка-

кое у них хозяйство, ремесло? Какой у них семейный быт, уклад жизни? Сколько их? К какой секте принадлежит и чем одна секта отличается от другой? Каковы их социальные корни? и пр., и пр. Я едва успевал на все это отвечать и, зная, что Владимира Ильича совершенно не могут удовлетворить поверхностные ответы, тут же указывал ему главнейшую литературу предмета, как печатную, так и рукописную, по различным сектам, экономические и всякие иные обследования, кратко резюмируя все эти материалы. Узнав о той активной роли, которую сыграли закавказские сектанты при выборах в третью Государственную Думу, когда их соединенными голосами были подавлены и провалены по русской курии голоса кадетов, за которых голосовали из сектантов лишь баптисты, а также и то, что совершенно были разгромлены при голосовании списки черносотенцев, узнав, что сектанты дружно голосовали против об'единенных голосов представителей царского чиновничества, кулачества и купечества и выбрали своим представителем социал-демократа Скобелева, Владимир Ильич сказал:

— Это явная активность этих слоев населения. Здесь проявился вкус к политической борьбе, и мы должны этим воспользоваться в дальнейшем и посылать им нашу литературу, писать отдельные листки, посылать газеты, дать знать нашим комитетам, привлекать их к выборам по нашим спискам и вообще надо обратить самое серьезное внимание на них, так как им старый строй, очевидно, пришелся слишком солоно.

— А какое их отношение к войне?—спросил он меня через некоторое время.

Я подробно рассказал ему, что среди сектантов есть отдельные секты глубоко антимилитаристичные, как духоборцы, историю которых вы можетбыть несколько знаеет,—прибавил я.

— Знаю кое-что... Не только читал ваши же и другие книжки, но и сам писал о них, когда их преследовали в России. Теперь совершенно забыл, куда писал, кажется за границу, а может-быть ошибаюсь, но твердо помню, что писал.

Меня крайне это заинтересовало. Я знал, что за границей было действительно напечатано несколько корреспонденций в русской нелегальной прессе о духоборцах, как-раз во время их преследования, и авторство этих сообщений мне осталось неизвестным. Я напомнил их Владимиру Ильичу, но он не мог ответить мне: его ли эти сообщения или нет, тем более, что я о них мог только рассказать по памяти, а показать ничего не мог, так как их у меня под руками не было. И только теперь, совсем недавно,мне пришлось узнать из № 2 «Бюллетеня Института В. И. Ленина» (Москва, 1924 г., см. 25—27 стр.), что корреспонденция в журнале «Работник» (№ 1—2) 1896 г., издававшимся в Женеве «Союзом русских социал-демократов», о преследовании духоборцев под заглавием «Вести из России» (С.-Петербург, 20 октября 1986 г.)—принадлежит именно перу Владимира Ильича. Это ясно видно из фототипического снимка его письма, написанного его рукой, и помещенного на стр. 9 «Бюллетеня Института В. И.

Ленина» № 1 (Москва, 1923 года, см. 9 и 10 строчки снизу этого фототипического снимка письма).

Между прочим, я указывал Владимиру Ильичу и на эту корреспонденцию в «Работнике», автор которой мне не был известен, но в то время Владимир Ильич совершенно забыл о ней.

Кроме того, я рассказал Владимиру Ильичу, что в целом ряде сект еще до начала империалистической войны, и самостоятельно, и под впечатлением проникновения туда идей Л. Н. Толстого, проявилось антимилитаристическое течение, ранее, помимо духоборцев, прорывавшееся наружу отдельными отказами (например, Дрожжин, Изюмченко, Середа, Петр Ольховик и пр.), а в последнее время, чем ближе к войне, такие отказы от отбывания воинской повинности все учащаются. Во время же империалистической войны они принимают демонстративный характер и, несмотря на угрозы военно-полевым судом, расстрелом, заключением в тюрьмы, ссылкой на каторгу и пр. и пр.,—таких отказов уже насчитывается несколько сот, и что пропаганда их все увеличивается. Эти сведения крайне заинтересовали Владимира Ильича.

— Конечно, они исходят из иной точки зрения, чем мы,—сказал Владимир Ильич, — они против насилия вообще, а мы за насилие над классом эксплуататоров и против грабительской войны, об'явленной империалистами всех стран в своих собственных интересах и против интересов народа. Они против войны вообще (все люди — братья), а мы за превращение империалистической войны

в гражданскую, за истребление сопротивляющихся эксплуататоров: банкиров, помещиков, фабрикантов, заводчиков, всех поборников старого порядка, царских генералов и чиновников и всех, всех, кто против нас... Но это ничего. Пускай они делают это свое дело, оно явно полезно... Они расшатывают старые устои, особенно в армии.

Я сообщил Владимиру Ильичу, что из Москвы несколько дней тому назад присланы организацией «Трезвенников» братца Ивана Колоскова несколько агитаторов, которые недавно являлись ко мне и сообщили, что они «в Москве слышали, что в Петрограде на площадях многие обсуждают вопросы войны и мира, и что они знают, что большевики против войны и что на них за это нападают». И вот «братья, — говорили они, — прислали своих людей выступить на площадях против войны». «Вот и мы вам будем помогать»,—сказали эти представители московских трезвенников. Я довел до сведения Владимира Ильича, что тотчас же раз'яснил трезвенникам, что мы не выступаем принципиально против войны, что мы выступаем против империалистической войны, за гражданскую, за победу с оружием в руках обездоленных и эксплуатируемых над эксплуататорами. Сообщил также, что трезвенники мне на это ответили: «что будет в будущем, то увидем, а теперь будем помогать. Нам пока по пути». И, действительно, в этот же день на площади против Николаевского вокзала, у подножия памятника Александру III, можно было видеть двух просто одетых людей, произносивших горячие призывы против войны, всегда

окруженных громадной толпой, и ведущих отчаянный спор с теми, кто высказывался за войну. Несколько раз они подвергались опасности нападения озлобленной толпы, но трезвенники мужественно и стойко выдерживали атаки.

Все эти сведения о сектантах особенно заинтересовали Владимира Ильича и он просил меня и в будущем сообщать ему о всем подобном, что я и делал систематически долгое время.

Его заинтересовало также мое сообщение о том, что еще 25 февраля 1917 г. ко мне явилась группа кубанских казаков, служивших в то время в Петрограде и стоявших со своим полком где-то за Невской заставой, пришедших на мою квартиру в полном вооружении, только без карабинов. Это были представители секты Новый Израиль. Расспросив меня относительно моего мнения о событиях в Петрограде, заявили мне, что они клянутся употребить все усилия в своих сотнях, как лично, так и через своих товарищей, чтобы ни в коем случае в рабочих не стрелять и при первой возможности перейти на их сторону. Так как из них я знал только одного, а пришло их одиннадцать человек, и так как они поняли, что я не очень-то им доверяю, то они, в знак доказательства своей принадлежности к секте новоизраильтян, вдруг встали и все отдали мне земной поклон по особому израильскому сектантскому способу,—поклон «рыбкой»,—которым, по преданию, кланялись друг другу древние христиане, в знак покаяния и всепрощения. Я, конечно,

знал эти «тайны» хорошо исследованной мною секты.

— Истинно говорим тебе, — сказали они мне, целуя меня,—это требовалось по обычаю: после поклона совершалось «целование любви»,—как другу нашего вождя Василия Семеновича (Лубкова), и скажи об этом всем своим товарищам—стрелять не будем, а перейдем на сторону народа. Все так сделаем, так сделают и староизраильтяне, которых у нас очень много и которые помнят, какими врагами народа, по наущению и неведению, были они в 1905 году во время бунтов народа. Теперь этого не будет и все казаки хотят искупить свою вину.

И я наверное знаю, что этот казачий полк один из первых был признан ненадежным. Это кем-то из их среды около Николаевского вокзала 27 февраля был смертельно ранен жандармский офицер, командовавший площадью и требовавший, чтобы казаки очистили площадь и стреляли бы в народ. Этот кубанский полк был тотчас же снят с площади и уведен в казармы. Здесь уже был на лицо не христианский антимилитаризм, а явное революционно-политическое выступление войск против старого режима, за народ, за братание с ним на улицах. Это было для того времени очень важное политическое действие.

Владимир Ильич все это выслушал с величайшим интересом и обязал меня всюду по сектантам разослать его брошюру о партиях, что я в точности выполнил и разослал ее решительно по

всем известным мне сектантским организациям и по адресам отдельных сектантов. Я в письмах настойчиво просил сектантов самым внимательным образом мне ответить и со своей стороны обещался отвечать им на все их письма ко мне и ни в коем случае не терять с ними связи.

На получаемые письма я, конечно, сейчас же отвечал, и два-три ответа показал Владимиру Ильичу. Он их одобрил и сказал мне:

— Неоднократно говорил уже вам и опять повторяю: вам нужно писать брошюры для широких масс. Пишете вы очень популярно и просто, хорошим русским языком. Это мне про вас еще и Плеханов всегда говорил, что вы обладаете очень хорошим знанием русского языка.

Я позволил себе привести здесь эти слова Владимира Ильича, только лишь потому, что товарищи поймут, сколь дороги они для меня, но этот завет Владимира Ильича я выполнил в очень малой степени за постоянной занятостью и заваленностью практической работой.

К самому содержанию моих писем к сектантам Владимир Ильич указал прибавить в какой угодно форме те лозунги, которые были провозглашены тогда нашей петроградской организацией на последней демонстрации, обязательно подчеркивая ложь и обман Временного Правительства. Я это сделал, прибавив везде краткое описание последней демонстрации петроградских рабочих с перечислением всех главных ее лозунгов.

Так на редкость чутко прислушивался Влади-

мир Ильич к биению пульса жизни всей нашей страны. В то время особенно интересовался он жизнью крестьянской массы, и эта одна из причин, как я полагаю, почему он так внимательно отнесся к случайно ему встретившимся сведениям о сектантах, которых он лично, по всей вероятности, никогда и не видел. Владимир Ильич крайне ценил честность в убеждениях, волю и настойчивость в проведении их в жизнь, и если и то, и другое, и третье хоть сколько-нибудь могло итти на пользу общей борьбы, он ничего не оставлял без внимания, а сейчас же приобщал к общему делу.

На другой день он сказал мне, как бы продолжая наш вчерашний совершенно случайный разговор:

— Вам обязательно необходимо написать агитационный листок для сектантов по поводу Учредительного Собрания, особенно серьезно подчеркнув пункт о войне, о земле, о свободе религий—это может весьма помочь в нашей агитации среди них и они могут голосовать против кадетов и меньшевиков, а может-быть кое-где и за наши списки.

Я начал-было писать такой листок, но события вскоре так закрутили жизнь, что я не успел выполнить этого пожелания Владимира Ильича, но я знаю, что наиболее радикальные сектанты кое-где выставляли свои списки, кое-где голосовали за наши, но за кадетов и меньшевиков не шли, по крайней мере, в Закавказье, предпочитая совсем не участвовать в выборах, чем голосовать за тех, кто жаждал продолжения империалистической войны.

IX.

Недолго пришлось воспользоваться Владимиру Ильичу спокойствием и отдыхом.

Рано утром—часов в шесть—3-го июля в окно моей комнаты кто-то постучал.

Взглянув, я увидел улыбающееся, круглое лицо нашего партийного товарища Савельева. Я сразу понял, что в Петрограде что-то случилось, иначе он не приехал бы так рано к нам. Я поспешил открыть ему дверь.

— Что случилось?

— В Питере восстание,—ответил он мне.

Прекрасно зная, как нередко у нас преувеличивают события, я стал подробней расспрашивать его о том, что случилось. Выходило так, что и есть восстание и нет восстания. Оказалось, что Петроградский комитет никаких директив не давал, а что как-то самочинно поднялись массы рабочих, солдат, матросов, но в этой самочинности несомненно участвовали на свой страх и риск отдельные, горячие головы из районов, некоторые агитаторы, работавшие непосредственно в массе, и теперь самая главная была задача овладеть этим движением, придать ему организованные формы и тем самым вступить в управление народной стихией.

Оказалось, что толпы демонстрантов идут к Государственной Думе, к Совету Рабочих Депутатов, высказывают свое недовольство, на улицах раздаются выстрелы и слышно, что правительство мобилизует войска. Каждую минуту можно ожидать столкновения.

Выслушав все это, я подумал:

— Делать нечего, придется будить Владимира Ильича.

Я поднялся наверх. Владимир Ильич крепко спал. Ужасно жаль было его будить, так как бессонница, так мучившая его в последнее время в Петрограде, под благотворительным действием отдыха и систематического лечения, стала проходить и последние ночи он стал спать более или менее нормально. Я чувствовал, что как только он уедет в Петроград, жизнь опять его завертит в своем круговороте и он опять не поправится и не отдохнет как следовало бы.

С трудом проснулся Владимир Ильич.

Я в самых кратчайших словах передал ему в чем дело.

— Надо ехать...—сказал он и быстро встал, как бы стряхивая с себя сон.

Я тотчас же разбудил Марию Ильиничну.

Савельев повторил свой рассказ и высказал предположение: не начало ли это серьезных действий?

— Это было бы совершенно несвоевременно...— сказал Владимир Ильич.

Мы наспех выпили молока и тотчас же двинулись на вокзал, наняв по пути финских извозчиков.

В поезде только и было разговора, что о петроградских событиях, о которых разнеслась весть еще с последними ночными поездами.

Кое-где я услышал крайне неодобрительные отзывы по адресу Владимира Ильича и большевиков. Именно им молва приписывала эти волнения среди рабочих и гарнизона. Я понял, что Владимиру Ильичу надо быть крайне осторожным, о чем сообщил ему и всем сопровождавшим его. Он ехал под своим легальным паспортом и я сильно беспокоился о пограничной станции Белоостров, где всегда особенно много шныряло шпионов и особенно строго осматривались паспорта. В последнее время Временное Правительство, наседавшее на Финляндию, стало применять все более и более строгие меры при осмотре багажа и паспортов едущих оттуда пассажиров. Показав наши паспорта, на которые осматривавшие милиционеры не обратили никакого внимания, я тотчас же предложил Владимиру Ильичу выйти из вагона и пойти пить кофе, так как знал, что сейчас же по вагонам пойдут шпионы, уже сорганизованные Временным Правительством, которые, в связи с событиями, могли бы придраться к Владимиру Ильичу и даже арестовать его.

Мы ушли.

Я тотчас же принес Владимиру Ильичу все газеты; в каждой из них уже было краткое описание петроградских событий.

Владимир Ильич все это внимательно прочел. Я спросил, каковое его мнение о событиях.

— Судя по тому, что рассказывает Савельев и что сообщают газеты, я ничего серьезного не вижу. Это очередная вспышка недовольных масс населения, результат двойной игры и половинчатой согла-

шательской политики совета и систематического прохвостничества Временного Правительства. Этим движением надо немедленно овладеть и, может-быть, немедленно остановить его. Гораздо хуже и серьезней та травля, которая решительно во всех газетах предпринята сейчас против большевиков. Эта прямая контр-революция, которая нам временно может сильно повредить. С этим нам придеться очень считаться...

И мы вошли в поезд, который вскоре тронулся.

Владимир Ильич углубился в газеты. Мы тоже усиленно читали их, стараясь пошире разворачивать листы и тем самым закрывать Владимира Ильича от посторонних взглядов.

Так благополучно мы доехали до Петрограда.

Здесь, выйдя из вагона, мы предполагали двинуться на трамвае. Но трамвай, оказалось, не ходил,—была забастовка. Через площадь Финляндского вокзала проходила колонна демонстрантов, направлявшихся к Таврическому дворцу. Везде царило возбуждение. Совершенно ясно, что Владимиру Ильичу надо было как можно скорее добраться домой.

Мы условились сойтись в комнате нашей большевистской фракции в Таврическом дворце и я тотчас же нанял для Владимира Ильича извозчика, у которого как-раз кстати был поднят верх. В пролетку сел Владимир Ильич вместе со своими спутницами, а Савельева я попросил сесть прямо у ног Владимира Ильича, поставив ноги на подножку пролетки, чтобы сопровождать его до квартиры, а потом до Таврического дворца.

Извозчик, видя, как его загружают, запротестовал, но получив «по случаю забастовки» лишних два рубля вперед, до такой степени обрадовался неожиданным седокам, что особо энергично зачмокал, задергал вожжами и покатил, свернув круто направо в улицу, где было мало народа. И я был уверен, что Владимир Ильич доедет благополучно.

Пробираясь к себе на Пески, я встречал на улицах Петрограда колонны и кучки демонстрантов, спешивших все в одном и том же направлении. Публика возбужденно говорила, и среди нерабочего населения всюду слышалось осуждение большевиков.

Придя домой, я быстро ориентировался по телефону, узнав все о событиях, и тотчас же предупредил ответственных партийных работников, а также Петроградский комитет нашей Партии, что Владимир Ильич вскоре будет в Таврическом дворце. Все сообщенное об усиливавшейся с каждым часом травле большевиков мне очень не понравилось и я в разговоре по телефону, упоминая о Владимире Ильиче, называл его, на всякий случай, по конспиративной кличке. Внутреннее чувство подсказывало, что надо насторожиться, и я быстро убедился, что был вполне прав. Выходя из квартиры, я встретился в под'езде с нашим швейцаром, который до революции состоял в какой-то черносотенной организации, всегда содействовал шпионам, а после февраля-марта совершенно присмирел. Тут он вдруг опять обнаглел, и сам, без всякого вызова с моей стороны, вдруг заявил:

— Так что теперь ночевать без паспортов никому нельзя... Никого не пущу... А то арестуем... А паспорта—прописать... Мало ли тут шляются...

Весь его тон, вся его фигура ясно говорили мне, что он получил какие-то руководящие указания вообще и, в частности, о моей квартире, где в последнее время иногда ночевали Владимир Ильич и Надежда Константиновна, а также и другие наши ответственные товарищи, конечно, без всякого спроса у швейцара и без прописки.

Я послал этого расходившегося черносотенца ко всем чертям и на его угрозу сказал ему определенно, что за его черносотенные речи и дела в прошедшем и в настоящем он может быть немедленно арестован.

— Это еще посмотрим...—закричал он, вдруг крайне раздражаясь.

— Отошли вам праздники.—Теперь другое время...—крикнул он мне в догонку.

Неужели наступает «другое время?»—подумал я, и двинулся к Суворовскому проспекту.

Меня крайне изумил вид улицы. Все лавочники, дворники, швейцары, какие-то странные личности собирались кучками, особенно возле трактиров, галдели, жестикулировали; всюду и везде ругали большевиков. К этой ругани какие-то военные и весьма подозрительные штатские примешивали явную и открытую антисемитскую пропаганду, всюду рассуждая, что «жиды» все захватили, что «жиды» разрушают фронт, что «жиды» предали и продали Россию.

лос черносотенцев и их организаций и мне стало ясно, что контр-революция взвивается на дыбы, что кем-то дан определенный пароль, что агитация началась, что надо ждать всходов этого посева.

Мимо меня пронеслись, громыхая, два грузовика с полупьяными солдатами, которые винтовками прицеливались вдоль тротуаров улиц, а на одном из них стояли крепко обнявшись и тем поддерживая друг друга, трое вдрызг пьяных суб'ектов и животными голосами орали во всю глотку:

— Бей жидов!.. Бей их, окаянных!..

— У-р-р-р-а-а!...—вторили им пьяные голоса.

Публика шарахалась в сторону, некоторые кучки приветствовали их, другие немедленно расходились, почти разбегались.

Было ясно, что в городе очень неспокойно, тревожно, и что настроение весьма отвратительное, которое может оказаться чреватым самыми неожиданными последствиями.

Я шел пешком, дабы ознакомиться с настроениями улицы. Чем ближе к Таврическому дворцу, тем заметнее пестрота толпы и пестрота мнений менялись определенно хмурым настроением рабочих, которые всюду толпились группами, но определенных лозунгов, желаний, требований я встречал очень мало. Еще дальше стали попадаться демонстранты, правильные колонны рабочих, полковых частей солдат, нередко проходивших в полном боевом снаряжении и в правильном походном порядке. Здесь виднелись лозунги демонстрации 18 июня.

Другие же части шли совершено беспорядочно, разбитым строем, без всякого построения. Эти толпы вооруженных людей, кое-как бредущих, кое-как одетых, представляли крайне грустное и весьма ненадежное впечатление.

У Таврического дворца часть демонстрантов отдыхала, часть слушала речи ораторов.

Пройдя во дворец, я тотчас же поднялся на хоры, где была отведена комната для фракции большевиков.

Кое-кто из товарищей уже был там. Владимир Ильич прибыл минут двадцать тому назад и одиноко ходил по помещению, очевидно, обдумывая все те сведения, которые он получал со всех сторон. Когда он присел и мы понемногу стали вступать с ним в разговор, из его слов было ясно, что самому выступлению, самой демонстрации он придает весьма малое значение, и гораздо большее—контрреволюционному выступлению, травле большевиков, вводу кавалерийских частей войска в Петроград, которые к этому времени были уже вызваны с ближайшего фронта Керенским и его друзьями.

— Что же дальше?—спросил я у Владимира Ильича.

— Вооруженное восстание, — другого выхода нет.

— Когда?

— Это покажут обстоятельства, но не позднее осени.

И я почувствовал, что для него этот вопрос совершенно решен, и что теперь, с двух часов

правлена именно по этому руслу.

Совещание быстро состоялось и было решено постепенно, не раздражая масс, всю эту демонстрацию ввести в берега, и также постепенно перейти на обычную работу, однако, вполне использовав это самостоятельное выступление рабочих и солдат для подробного раз'яснения всего текущего момента и всех событий нашей политической жизни.

Внизу, в зале заседаний, в это время перетрусившие меньшевики, трудовики, с.-р-ы на все голоса вопили о «предательстве» большевиков, шутящих с огнем и вызывающих кровопролитие своей безумной политикой. Эти жалкие люди совершенно забыли, что всеми своими действиями, всеми своими писаниями и выступлениями, всеми своими бесконечными переговорами с Временным Правительством, все более и более погружавшемся в контр-революционное болото,—они до такой степени раздражали массы, начинавшие буквально ненавидеть этих соглашателей из Совета, что ежедневно можно было ожидать грубо-анархических выступлений и всевозможных самочинных эксцессов по адресу тех, кто так неумело взялся управлять революционной страной. Они не понимали того, что большевистская партия, крайне дисциплинированная и выдержанная, привыкшая всегда действовать организованно, являлась именно тем громоотводом, который не раз спасал их от преждевременной народной грозы, готовой вот-вот разразиться над их головами. Именно большевики, всегда считавшие себя обязанными быть с массами, умели

зованное русло и предостеречь от неверных и слишком поспешных шагов, дабы, сосредоточив силы, ударить на классового врага тогда, когда это действительно было нужно, и ударить зато из всех сил.

Так как демонстранты все подходили и подходили к Таврическому дворцу, а у деятелей тогдашнего Совета не было особого желания не только приветствовать, но и разговаривать с революционными рабочими и солдатами, то большевикам и здесь, в царстве меньшевистского Совета и соглашательского центра, пришлось перейти от пассивного положения к активному. Мы немедленно внизу заняли особую комнату, установили там постоянное дежурство, принимали демонстрантов, организовали группы ораторов, и т. п. Наша комната и здесь быстро стала становиться центром общественного внимания. В нее стекались все сведения из города, именно отсюда ждали компетентных указаний и распоряжений. Так сама жизнь, несмотря на все противодействия правящей клики, ставила истинных друзей народа в центр народного внимания, революционного признания и действия.

Большевики говорили с демонстрантами. Меньшевики самоуслаждались на кафедре Таврического дворца бесконечными, безумолчными речами о злокозненных большевиках, совершенно не замечая того, что они уже стоят на запятках политической колесницы, фактически управляемой, хотя бы временно, теми самыми большевиками, которых они проклинали тогда на все лады, там между собой, в закрытом заседании.

Как всегда бывает, в столь торжественные минуты шутница-история тотчас же подмешивает элементы комизма.

В то время, когда один из самых ярых соглашателей громил с кафедры Совета отсутствовавших на заседании большевиков и проклинал их всеми проклятиями ада, вдруг раздались выстрелы. Через несколько минут что-то ухнуло, точно взорвалось. Где-то испугавшиеся, стоявшие в коновязях кавалерийские лошади, сорвавшись, карьером пронеслись по улицам.

Мигом распространилась паника, об'явшая всех храбрецов контактной и иных бесчисленных комиссий и подкомиссий меньшевистского исполкома Совета.

Кто-то крикнул, что войска приступом берут дворец. Раздался звон разбиваемых окон, и храбрецы Таврического дворца стали выпрыгивать в вековой тенистый сад, который был свидетелем времен Потемкина-Таврического. Подошедший откуда-то батальон пехотинцев, стоявший в это время у под'езда Таврического дворца и никем еще не встреченный, запыленный и усталый, услышав топот сорвавшихся с коновязей кавалерийских лошадей, кем-то спровоцированный, — принял их за атаку прибывших казаков. Врассыпную бросился он по двору и на под'езд, с под'езда в швейцарскую, и из швейцарской по огромному коридору налево, группами и по одиночке, прячась за колонны, и ощетинился оттуда штыками на ожидаемого врага. Это позорное, трусливое действие поддавшихся панике солдат, лицедеи бесконечного таврического комеди-

анства, приняли за атаку восставших войск. И тут произошло великое смешение языков, всеобщая паника и всеобщая трусость. Мы—несколько человек—сидели в нашей большевистской комнате на дежурстве, когда вдруг поднялся весь этот шум. Я вышел в вестибюль и увидел смешную и позорную картину всеобщей суеты, когда вчерашние деятели революции, случайно бывшие здесь, с искаженными лицами бежали кто куда попало. Видя, что все это может окончиться крайне печально, я подождал минуту, думая, что кто-либо из Совета выйдет сюда для водворения порядка, но, как оказалось после, третьеиюльские беглецы внесли уже панику на заседание Совета и там творилось поистине вавилонское столпотворение.

Видя, что солдаты с перепуганными лицами врываются в Таврический дворец и прячутся в разные места, а наиболее храбрые из них щелкают затворами винтовок, подготовляясь встретить смертным боем наступавших воображаемых казаков, я быстро вышел на площадку Таврического дворца и увидел здесь смехотворную сцену, когда десятки вооруженных солдат забивались в кусты сирени и иной растительности, пользуясь этим естественным прикрытием для защиты—все от тех же неведомых врагов.

Я искал глазами «начальство», думая обратиться к нему, чтобы немедленно построить в надлежащий порядок разбежавшийся батальон, но никого найти не мог.

Совершенно забыв военную команду, которую я когда-то проходил в нашем полувоенном Констан-

твновском Межевом Институте, я все-таки заорал во все горло: «на линейку стройся!», совершенно не зная, так или не так надо кричать. Тотчас из кустов и из разных других мест стали вылезать и сбегаться солдаты. Тут я, наконец, увидел беспомощно метавшегося фельдфебеля, совершенно не знавшего, что ему делать. Я строго обратился к нему и упрекнул, почему он не выстраивает солдат.

— Так что дюже испужались,—услышал я комический ответ.

— Стройте сейчас же!—строго приказал я ему.

Фельдфебель метнулся туда-сюда и стал отдавать команду за командой.

Видя, что здесь дело налаживается, я пошел во дворец и стал выпроваживать засевших там солдат, об'явив им, что их батальон построился и уже уходит. Солдаты тотчас же стали выбегать из дворца.

В это время в вестибюле показался Дан, самый храбрый из всех заседателей. Злыми, пристальными глазами осматривал он всех и, узнав, что батальон уходит, повернулся вспять.

Грянул удар сильного грома, разверзлись небесные хляби и из налетевшей тучи полились бесконечные струи летнего ливня.

Спугнутые дождем девицы и кавалеры, выпрыгнувшие в разбитые окна, бегом, без шапок и шляп, пробирались около стен дворца, перепрыгивая через лужи и потоки быстро текущей дождевой воды. Эти храбрые граждане и гражданки виновато оглядывались кругом, стремясь незаметно проскользнуть в под'езд и дальше на свои места.

Я сказал фельдфебелю, а потом появившимся

офицерам, что самое лучшее им вернуться в казармы с своим столь храбрым отрядом. Они послушались. Раздалась команда и батальон стройно зашагал под проливным дождем к себе домой, в казарму.

Так закончился этот трагикомический инцидент «осады» Таврического дворца в этот многознаменательный день 3-го июля 1917 года.

К нам в дежурную большевистскую комнату беспрерывно поступали известия о митингах-протестах на заводах, фабриках и в казармах. Нам было совершенно ясно, что наша организация справилась с положением вещей и вводит движение в правильное русло. Нам также стало известно, что Петроградский комитет, по совету Владимира Ильича, принял решение прекратить забастовку и митинги протеста, для чего и заготовил текст соответствующих прокламаций [12]). Часов в пять вечера прибыли матросы из Кронштадта с корабля «Республика» и других кораблей. Матросы эти отличались особой восприимчивостью ко всем революционным лозунгам. Они всегда были готовы выступить по первому призыву и отличались, если хотите, несомненным буйным нравом. Пришли они в полном боевом порядке и расположились во дворе Таврического дворца правильными отрядами. Вооруженные с ног до головы, они представляли из себя большую боевую силу. С ними прибыл их любимец тов. Рошаль, за которым они пошли бы куда угодно, а он действовал всецело

---

[12]) Ц. К. нашей партии дал оценку событиям 3—5 июля 1917 г. в своей резолюции о текущем моменте, вынесенной на расширенном совещании 13—14 июля 1917 г. (См. приложение № 12 к этой книжке, 157 стр.).

по директивам нашего Петроградского комитета партии. Именно этим матросам нам пришлось впервые об'яснить решение Петроградского комитета нашей партии, с подробным изложением всех мотивов этого решения и характеристикой текущих бурных событий.

И несмотря на то, что матросов прибыло в город несколько тысяч, совершено готовых к бою, несмотря на то, что появившиеся конные части донских казаков первые кое-где открыли огонь по матросам, тем вынудив их к ответу,—с обеих сторон были раненые и убитые,—несмотря на все понятное возбуждение и негодование вооруженных масс, директивы Ц. К. и П. К. были тотчас же приняты и рабочими, и солдатами, и матросами, демонстрирующими на улицах Петрограда,—демонстрации стали затихать и город готов был принять вполне обычный вид.

Но Временное Правительство, вместе с меньшевиками и с.-р-ми, почувствовавшими, что на фронте большевиков все более и более накапливаются силы, задумали одним ударом покончить с этой гидрой революции. Они делали вид, что не замечают, что главнейшая политическая роль в эти дни возбуждения масс перешла сама собой к большевикам. Они решили перейти в открытое наступление против большевиков, подтягивая те войска, на которые они полагали надежду. Крутой расправой, арестами и разгромами захотели разом положить конец революционному действию масс. Еще 3-го июля носились смутные слухи о подступе к Петрограду правительственных войск.

Помимо войск, деятели взбешенного Временного Правительства решили использовать все, что только возможно, и клевету прежде всего, против большевиков вобще и против Владимира Ильича в особенности. Четвертого июля, часов в семь вечера, после дежурства в Таврическом дворце, я пошел на некоторое время домой. Вскоре ко мне позвонили.

— Кто у телефона?—спрашиваю я.

— Вы меня узнаете?..—отвечает голос, чуть-чуть картавя. Прислушиваюсь. —Ба! Сергей Николаевич Каринский, которого я очень хорошо знал, как радикального адвоката, почти постоянно жившего в Харькове. Мне, в качестве эксперта, с ним приходилось очень много раз выступать на судебных процессах по сектантским делам и он всегда вел эти процессы очень умело, энергично, с знанием дела и настолько свободно, что его речи и допросы миссионеров, священников и всех шпионов православного ведомства всегда вызывали протесты прокурора и председателя суда.

Во время февральской революции он был вызван в Москву, и прокурор республики Переверзев, будучи с ним лично хорошо знаком, предложил ему занять место его помощника. К сожалению, он согласился и этим очень много напортил себе.

До этого телефонного звонка я давненько его не видел и совершенно не знал, в каком он настроении.

— Я звоню к вам,—сказал он мне,—чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте от-

сюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно и от слов вскоре перейдут к делу.

— В чем же дело?—спросил я его.

— Его обвиняют в шпионстве в пользу немцев.

— Но, вы-то понимаете, что это самая гнуснейшая из клевет!—ответил я ему.

— Как я понимаю, это в данном случае все равно. Но на основе этих документов будут преследовать его и всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно и прошу вас немедленно же принять нужные меры,—сказал он как-то глухо, торопясь.—Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать. До свидания. Желаю вам всего наилучшего... Действуйте...

— Благодарю за предупреждение...

Только и успел я сказать, как телефон умолк.

По всему тону разговора я понял, что Каринский спешил, передавая мне эти сведения, что ему, в виду его служебного положения, было опасно все это мне сообщать. Зная его за очень спокойного и осторожного человека, мне стало ясно, что дело это очевидно, серьезное и что действительно необходимо сейчас же действовать. Я обдумал положение.

Прежде всего, конечно, хотелось броситься к Владимиру Ильичу и все рассказать ему. Я совсем было собрался итти в Таврический, но подумал, что можно случайно разойтись, что надо спешить и что лучше всего, чтобы выиграть время, попытать счастье соединиться с Владимиром Ильичем по телефону. Я позвонил в Таврический в нашу дежурную

комнату. Кто-то подошел к телефону. Я просил немедленно позвать Владимира Ильича.

— Алло!..—раздался через полминуты знакомый голос.

— Я получил сейчас сообщение не только из верного источника, но, можно сказать, из первоисточника, сообщение гнусное и подлое, касающееся преследования, которое предпринимается против вас. Источника по телефону я не могу назвать по понятным вам причинам, ибо нас могут слушать...

И я, торопясь, чтобы не перебили, подробно рассказал ему все, что собщил мне Каринский.

— Источник ваш безусловно верный?

— Да.

— Случайный или это лицо имело с вами постоянное, давнишнее знакомство?

— Да, постоянное, давнишнее знакомство в течение семи лет.

— Опишите кто он сейчас—человек из публики или занимающий официальное положение?

— Занимает высокоофициальное положение, лично ко мне, в силу давняго знакомства и весьма прочных отношений, прекрасно расположен.

— Сообщает ли он по слухам, или по какимлибо документам, хотя и сфабрикованным?

— Он сообщил мне, что сам читал документы и советовал мне принять как можно скорей серьезные меры, как я понимаю, предупреждающие преследование.

— Мы здесь тоже получили об этой гнусности некоторые сведения, стараемся их проверить. Если

что вы узнаете, сообщите нам. Сообщенное вами — серьезно и важно.

Я стал просить Владимира Ильича, чтобы он скорее уехал из Таврического и ни в коем случае не показывался бы домой.

— Вы не волнуйтесь так,— бодро и задушевно сказал Владимир Ильич.

— Я чувствую, что вам грозит опасность и нельзя не волноваться...

— Ничего, ничего... Я собираюсь уйти отсюда...

— Поскорей бы!...

— Хорошо... До свидания... Звоните...— и разговор прекратился.

Я стал соображать, что делать дальше. Позвонил кое-кому и в том числе Н. Г. Полетаеву, прося его пойти к Владимиру Ильичу.

В это время вернулась домой Вера Михайловна, взволнованная и возбужденная.

— Я только что видела,— сказала она мне,— как на улице избивали каких-то молодых людей за то, что они высказывали сочувствие большевикам.

При входе в наше парадное она обратила внимание, что у крыльца толкутся какие-то подозрительные личности, все время переговаривающиеся с нашим черносотенным швейцаром.

У нас уже несколько лет жила одна женщина, Василиса Прохоровна, жена нашего давнишнего друга рабочего Андрея Евдокимова, который в эти дни отсутствовал из Петрограда. Она пришла и сообщила нам, что ее расспрашивали: не пришел ли ко мне гость, который раньше бывал, а также о том, когда я бываю дома и кто у меня бывает.

Мне стало ясно, что началась слежка, а потом, вероятно, начнется правильная охота, облава и осада квартиры.

Я стал звонить в Таврический, но телефон не отвечал: очевидно все оттуда уже ушли.

Мы решили поехать в Финляндию, чтобы повидаться с товарищами, которые, как я наверное знал, туда приедут и обсудить с ними план действия.

— Но, что с Владимиром Ильичем? Где он? Как ему помочь?

Мне было мучительно больно, что в эти минуты я был совершенно лишен возможности помочь ему, быть вместе с ним, ибо я знал, что за мной тотчас же будут следить.

Стал звонить во все стороны, но мало мог получить сведений. К счастью, ко мне зашел кто-то из товарищей и сообщил, что Владимир Ильич ушел из Таврического и хотел переждать некоторое время, чтобы принять то или другое решение.

Товарищ также обратил мое внимание на то, что за моей квартирой несомненно следят и что можно ожидать арестов. Это было часов в девять вечера. Посоветовавшись, мы с Верой Михайловной решили поехать в Мустомяки. Под'ехав к Литейному мосту, мы нашли мост разведенным: Временное Правительство и меньшевики употребили старый прием царского правительства в борьбе с рабочими. У моста стояла огромная очередь едущих на Финляндский вокзал и перебирающихся через Неву на яликах. Мы тоже стали в очередь, но до нас не дошло, так как милиция запретила яличникам перевозить публику. Это вызвало огромное возмущение. По

Литейному и по набережной появились конные разъезды. Мы решили вернуться домой. На утро положение осложнилось: к нам в квартиру несколько раз звонились совершенно неизвестные лица, спрашивая, дома ли я и не проживает ли здесь еще кто-либо? Наконец, часов в 11 утра, пришел председатель домового комитета с каким-то штатским и заявил, что он получил распоряжение проверить, кто у меня живет. Я заявил ему, что подобное шпионство недопустимо в республике и что теперь не время царского самодержавия.

Председатель домового комитета постарался остаться со мной в одной из комнат наедине и сказал:

— Вам лучше уехать. Вчера и сегодня все время о вас справляются и кого-то ищут у вас...

Я понял, что ищут Владимира Ильича.

Заявив вслух при штатском, что у нас в квартире решительно никого нет и не было из посторонних, я расстался с неожиданными гостями.

Вскоре мы, вместе с Верой Михайловной, вышли черным ходом во двор и на улицу и направились к Финляндскому вокзалу. Картина города за ночь резко изменилась. С разных застав и вокзалов появились конные части драгун с пулеметами и легкой артиллерией. Войска занимали перекрестки улиц, площади, вокзалы и другие стратегические пункты города. На тротуарах всюду толпились высыпавшие из всех щелей мещане, купцы, буржуа всех рангов, чиновники, разом осмелевшие и обнаглевшие. Всюду слышалась руготня по адресу боль-

шевиков. Нередко упоминали, что Ленин оказался немецким шпионом. Рабочих на улицах было мало. Явно начинался разгул черносотенных банд и всех тех, на кого только и могло опереться Временное Правительство и бредущие в его хвосте меньшевики и шумливые с.-ры.

Было неприятно и противно итти по улицам. Литейный мост оказался наведенным и мы прошли через него, окидываемые подозрительными взорами патрулей. Через два часа здесь уже проверяли паспорта, очевидно стремясь кого-то задержать.

Мы сели в поезд и благополучно от'ехали.

В вагоне, как шмели, жужжали дачники все на те же темы дня. В Белоострове тщательно осматривали всех и особо внимательно проверяли паспорта. Было очевидно, что кого-то ищут, за кем-то следят.

— Хотят поймать Владимира Ильича,—шепнул я Вере Михайловне.

— Где-то он?—отозвалась она мне.

Так доехали мы до Мустомяк, а оттуда до Нейвола. Вечером, 5-го июля я увиделся с Демьяном Бедным, который то же проживал в Нейволе. Он вернулся поздно вечером 4-го июля и рассказал нам, что Владимир Ильич до такой степени был возмущен клеветой, распространяемой сумасшедшим Бурцевым и совершенно скатившимся под горку бесчестия и бесславия, снедаемого ненасытимым и совершенно неудовлетворенным честолюбием Алексинским, выступившим в эти дни в роли лжедоносчика и присяжного клеветника буржуазии, что он хотел сам отдаться в руки властей Временного Правительства, предполагая на гласном суде не

только публично доказать всю гнусность этой клеветы, но и разоблачить всю шантажисткую деятельность Временного Правительства и связанных с ним соглашателей и предателей рабочего класса, сидящих в Совете.

В этом предполагавшемся действии чувствовалось известное доверие Владимира Ильича к новым формам жизни российского государства и в том числе, к новому суду. Совершенно очевидно, что Владимир Ильич хотел говорить через головы судей и правительства с народом, с рабочей массой. И в этой идеализации, хотя бы случайной, временной, минутной таилась ужасная опасность. Владимир Ильич, придя на квартиру депутата Государственной Думы рабочего Н. Г. Полетаева, в одиночестве решал этот вопрос.

Демьян Бедный зашел туда, повидался с Владимиром Ильичем и он рассказал мне:

— Прощаясь, мы расцеловались. Владимир Ильич был в каком-то восхищенном состоянии. Глаза его горели. Лицо его было одухотворенно, как никогда, и мне бросилось в глаза,—сказал Демьян Бедный,—что он удивительно похож на Христа, как его рисуют лучшие художники, в тот момент, когда шел он на распятие, отдаваясь в руки врагов своих [13]).

В таком настроении оставил Владимира Ильича Демьян Бедный и уехал в Финляндию в Мустомяки.

---

[13]) Эти точно переданные мной слова Демьяна Бедного вызвали возражения с его стороны, изложенные в заметке „О воспоминателях“ (см. „Правда“ № 241, 22 октября 1924 г.). Мой ответ Демьяну Бедному помещен в этой книжке на 118 стр.

Как потом выяснилось: сначала действительно было решено, что Владимир Ильич, Зиновьев и Каменев сами отдадут себя в распоряжение властей, для чего был даже выбран день и час. Но в это время к Владимиру Ильичу проникли некоторые товарищи, перевели его на другую квартиру и энергично запротестовали против принятого было решения Владимира Ильича. Владимир Ильич внял доводам товарищей и решил перейти на нелегальное положение. Также, вместе с ним, поступил и Зиновьев. Л. Б. Каменеву не успели об этом дать знать и он в условленный час явился к властям Временного Правительства, где и был арестован и тем самым подверг себя страшной опасности быть искупительной жертвой раз'яренных контр-революционеров, бесившихся от неудачи: Владимир Ильич благополучно выскользнул из их рук.

6-го июля утром я решил поехать в Петроград, дабы разузнать обо всех делах. В седьмом часу утра я выехал на станцию вместе с Верой Михайловной. В деревне Нейвола я заметил бежавшего нам навстречу вооруженного винтовкой юнкера. Он подскочил к моему извозчику и вскочил на подножку.

— Скажите, как нам пройти к Бонч-Бруевичу?

— А зачем вам?

— Нам приказано обыскать его дачу...

— Я—Бонч-Бруевич...—ответил я ему.

И в это время к нам подбежала целая ватага юнкеров. За ними на извозчике везли пулемет; далее шествовали в пешем строю казаки.

Нашу лошадь повернули и мы двинулись назад.

Завидев дачу, юнкера бросились рассыпным строем и окружили дачу кольцом, защелкали затворами винтовок и залегли, точно ожидая нападения.

— Вот храброе воинство,—посмеялся я над ними,—увидали пустую дачу и сейчас же—в кусты...

Один из них, картавя почти на каждом слове, подбежал ко мне и закричал:

— Мы не позволим, чтобы вы над нами издевались!..

— Кто вы такие?—резко спросил я его.—Ваши мандаты? Что вам угодно?..

— Мы, мы... юнкера...

— Ваши мандаты!..

— Но у нас нет мандатов...—сказал по французски один юнкер другому.

— Как же вы смели явиться сюда, без мандатов,—по-французски же и очень резко ответила им Вера Михайловна,—и еще позволяете вести себя так дерзко... Не забывайте, вы не в России, а в Финляндии.

Юнкера сразу подтянулись.

— Но нам велено арестовать известного шпиона Ленина, который, как нам сказали, проживает у вас...

— Что?..—закричал на них, надевая пенснэ и наступая, как бы решаясь вступить с ними в бой, Вера Михайловна.—Как вы смеете, мальчишки, называть так лучшего нашего друга? Вон отсюда!..

— Но, мадам, мы обязаны...

— Вон отсюда!..—и она повелительно показала им на калитку.

Юнкера в смущении стали выходить на улицу...

Вера Михайловна не отставала от них и говорила им, что она сейчас же составит протокол за оскорбление нашего друга и что по финляндским законам они строжайшим образом ответят.

В это время подошел офицер, прислушался к разговору и очень вежливо заявил:

— Вот предписание арестовать Ленина, который проживает у вас...

— У нас Ленина нет...

— Он у вас жил?

— Жил...

— А где он теперь?

— Это вас не касается, это дело нашей Партии, а не ваше...—ответила ему Вера Михайловна.

— Но я должен его арестовать?..

— Руки коротки... Вам придется сперва арестовать всех рабочих...

— Почему?..—вдруг задал вопрос один из казаков, все время крайне внимательно слушавший.

Я тотчас же вступил в разговор и самыми простыми словами стал рассказывать казакам о Ленине, кто он такой, каково его прошлое, почему его так любят рабочие, почему его травит буржуазия, так гнусно клевещущая на него.

— А вы его давно знаете?

Я об'яснил.

— Так, значит, все это ложь?

— Несомненно...

И у нас начались первые признаки «братания».

— Нам здесь делать нечего,—сказали казаки и ушли назад.

Большинство юнкеров расположились на соседнем пригорке и что-то горячо обсуждали между собой.

Двое юнкеров—один тот, особо ретивый, который вскочил ко мне на подножку,—и другой, его товарищ, с криком: «а мы все-таки посмотрим!»—бросились к даче. За ними, засеменила на кривых ножках плюгавенькая штатская фигура, отвратительный образ которой мне показался знакомым. Офицер с мандатом тихо, не спеша, и как мне показалось, весьма неохотно пошел туда же.

Я тотчас же направился к даче.

Я предусмотрительно, еще рано утром, уезжая в Петроград, уничтожил все адреса, а бывшие у меня письма спрятал в потайное место.

Юнкеров неожиданно, можно сказать, в штыки, встретила няня нашей дочери Ульяна Александровна Воробьева, простая Вологодская крестьянка, жившая у нас с ноября 1905 года и пережившая вместе с нами бесконечное количество обысков, когда наша квартира в некоторые годы чуть не каждую неделю посещалась царской полицией.

Разгоряченная и взволнованная, она стала пушить их на чем свет стоит, ругая мерзавцами и негодяями, говоря, что вот, мол, полицию и жандармов прогнали и расстреляли, да, только жаль, что не всю, а вот их, дрянь такую, сопливых мальчишек, оставили...

Те были озадачены, оскорблены, удивлены...

Один из них стал говорить, что он не позволит всякой кухарке оскорблять его...

— А, дворянский сынок,—возопила няня,— тебе кухарка поперек дороги стала. Ты, видно, старый режим. Городовых всех арестовали и тебя надо...

Офицер, показывая мандат, попросил обойти комнаты.

— Обязан это сделать...

С ним юркнул штатский и прямо направился ко мне в комнату. Я за ним. Тот бросился к моему письменному столу и я вдруг сразу узнал в нем шпиона, который еще при царском правительстве всегда дежурил на станции Мустомяки, ведя слежку за всеми нами.

— Вам что угодно?..—закричал я на него.—Вон отсюда! Гадина!.. Вы, шпион царского правительства, позволяете себе врываться в дом жителя Финляндии!

Он сразу отскочил от стола, весь с'ежился, очевидно, перетрусив, что я его узнал и поспешно вышел из дачи.

Офицер прошелся по комнатам и вышел. В это время подбежали те два юнкера и заявили, что они осмотрели оба сарая и погреб и никого не нашли...

— Как ты смел лазить на погреб?..—закричала няня. Ты там об'ел что-нибудь... Как же это я не видела, как ты полез, прихлопнула бы я тебя там, посидел бы ты у меня во льду, шпионская морда...

Юнкера, видя, что тут ничего не поделаешь, что атаки няни действуют сильнее картечи, поспешили ретироваться... Ушел и офицер. Убежал сыщик.

Мы последовали за ними. В деревне Нейвола стояло большое волнение. Все фины были возмущены приездом, без разрешения их властей, сильного сводного отряда.

— Как разбойники!—говорили они, выказывая нам всяческое сочувствие.

На перекрестке мы увидели сильный отряд с пулеметами, отправившийся атаковать дом, где жил Горький, как-раз недели две тому назад, как выехавший из Мустомяк. Там тоже искали большевиков.

Дача, где жил Стеклов, была окружена отрядом юнкеров, державших Стеклова под домашним арестом, а потом увезших его в Петроград.

Пришли Иорданские, которые несмотря на принадлежность их к плехановской группе «Единство», резко вступили в разговоры с руководителями отрядов, доказывая им безобразие и незаконность их поведения. Из пансионов, из дач высыпали разряженные дачники,—по преимуществу, представители самой отвратительной буржуазии. Какие-то две полные, красивые еврейки, одетые в модные платья и покрытые красными, весьма нарядными, тюлевыми покрывалами, кокетничая и заигрывая с юнкерами, кричали гортанными голосами:

Но почему же вы не арестуете Бонч-Бруевича?!. У него жил Ленин, мы это очень хорошо знаем... Пожалуйста, ну, что вам стоит...

— А почему вы не идете к Демьяну Бедному?— Он вон там живет... Его обязательно нужно повесить... Он пишет такие гадкие басни...

Я не выдержал. Обернулся к этим буржуазным чечеткам, которые, очевидно, не заметили ранее меня, и сказал им:

— Уходите-ка лучше отсюда, сударыни, а то мы просто, за ваши речи, набьем вам морды, вместе с вашими кавалерами...

Около них так и увивались какие-то дачники весьма подозрительного, спекулянтского вида. Они заторопились, подхватили своих расходившихся дам под ручки и, негодуя, стали удаляться.

В это время вынырнул тот шпион, который пытался сделать у меня обыск. Тут же стояла большая группа казаков, среди которых я заметил тех, которые приходили ко мне на дачу.

Я тотчас же обратился к ним и сказал:

— Смотрите, товарищи, как вас обманывают... Вас, казаков, послали сюда и дали вам в руководители кого? Вот его? Правда?..

— Правда,—раздались голоса.

— А, ведь, он никто иной, как шпион царского правительства, сыщик охранного отделения. Мы его здесь хорошо знаем, и он очень многих революционеров выследил и предал.

Ропот прошел среди казаков и все как-то разом придвинулись и ко мне и к этому суб'екту.

— И вот этих-то шпионов продолжал я далее— подсылают к нам, революционерам; и теперь после революции, с обыском и вы с ними...

— Правда, это? Ты царский шпион? Говори!..— зашумели казаки.

— Да, разве вы не видите, что за птица?—сказал кто-то из казаков.

— Расстреливать таких надо... — раздалось из толпы.

— Ну, ты убирайся отседова, пока цел,—гаркнул на него громадный казачина. И этот царский шпион, сотрудник Керенского, как заяц, шмыгнул стороной, быстро обежал всех, вскочил на извозчика и робко оглядываясь, точно ожидая удара в спину, быстро скрылся в направлении на Мустомяки, все время понукая извозчика-фина, который из всех сил нахлестывал свою маленькую, ретивую лошадку-шведку, почувствовав получение сверх таксы.

Пышные, разряженные дамы тоже скрылись, увлекая за собой не только своих кавалеров, но и других буржуазных, трусливых обитателей пансионов.

Побродив еще с час по Нейвола, отряды с'ехались и мирно отправились восвояси на Мустомяки, оставив посты в виде каких-то штатских людей, которые еще дней десять дежурили вокруг моей дачи, более всего лежа в высокой траве на соседнем, пустом поле местного крестьянина и, очевидно, все время поджидая Ленина. Дачная и пансионная буржуазия шипела на нас из всех сил. Вечером ко мне зашел Демьян Бедный и рассказал, что он рано утром, почти около Мустомяк встретил весь этот отряд, который расспрашивал и его, как пройти на Нейвола и осведомился об его фамилии. Он назвался Придворовым и юнкера, не знавшие его настоящей фамилии, пропустили его, не тронув.

Через несколько дней я с'ездил в Москву и послал письмо в «Новую Жизнь» по поводу налета юнкеров, но письмо мое там напечатали с большими пропусками, ибо «интернационалисты» были столь «об'ективны» к событиям, что, быть может, невольно, тянули руку меньшевиков и не имели мужества стать на защиту гонимых большевиков, многих из которых они персонально знали десятилетиями.

В этот же день, на заседании Исполкома Совета, куда был вызван для об'яснений Керенский— я передал ему лично в руки большое письмо с полным и негодующим протестом по поводу обвинений, выдвинутых против Владимира Ильича, и, в частности, против обвинения его в том, что он организовал «восстание» 3-го июля, так как все последнее время перед третьим июлем он был у меня в гостях на отдыхе.

Керенского я знавал и раньше, еще до революции.

— Вы убеждены, что все это вздор?—спросил он меня, прочитывая письмо.

— Абсолютный вздор!

— Мне очень важно знать ваше личное мнение,—сказал он, щуря свои усталые глаза.

Вероятно, это была одна из тех фраз, которые любил расточать во все стороны Керенский, и которые не имели никакого значения.

В эти же дни, как и в Финляндии, именно 5-го июля, было сделано такое-же нападение на мою квартиру и в Петрограде, где, некоторое время рас-

поряжался отряд драгун, окруживший мою квартиру, и поставивший в крыльце дома пулемет.

Какие-то штатские люди, очевидно, шпионы, все время поджидали меня, но наш верный друг Василиса Прохоровна Евдокимова, заперла квартиру, и видя, что на улице идет стрельба и меня ищут, вышла черным ходом и уехала к себе в деревню.

Драгуны и штатские, видя квартиру запертой и подежурив около нее, не заметив ни входящих, ни выходящих,—не решились взламывать квартиру,—и 8-го июля сняли посты наблюдения. Я, конечно, в это время на квартиру не являлся.

Так закончились эти бурные дни, когда контрреволюция, окрыляемая соглашательским Советом и ведомая под ручки меньшевиками и с.-р-ами, так нагло оскалила свой волчий рот, чтобы в дни Корнилова лисьим хвостом заметать следы явного похода против пролетариата и крестьянства.

Самым главным для нас было сознание, что Владимир Ильич цел, что с ним имеются сношения, что он присылает статьи, директивы Партии, что он, когда нужно, открыто пишет и одергивает заметавшихся и заколебавшихся товарищей, требует «стоять на месте», не делать в отступлении «ни шагу дальше», бодро и смело призывая всю партию к подготовке победы, к подготовке вооруженного восстания.

— Значит оно будет!—раз говорит он.

— Значит революция идет!—твердо и уверенно говорили мы между собой.

Москва.
12 марта 1924 г.

Из моего ответа Демьяну Бедному по поводу его заметки.

(См. газету «Правда», № 241 от 22 октября 1924 г.).

Я не знаю каковы были отношения у тов. Демьяна Бедного с «попом Ананием», но мои долголетние отношения с Демьяном Бедным, почти с первых дней выступления его в литературе, были не только товарищеские, но дружеские и я полагал, что эти почти пятнадцать лет столь сердечных взаимоотношений «обезопасят» меня от того... грубого тона и прямой неправды, на которые оказался столь щедрым Демьян Бедный в своей заметке обо мне теперь, когда он вознесся к зениту своей славы. Но «зенит», как известно, весьма опасное местонахождение для любого литератора и это всегда необходимо помнить литератору Демьяну Бедному.

«Тон» заметки Демьяна Бедного я оставляю в стороне: может быть когда либо Демьян Бедный опомнится и ему самому станет стыдно за эти перлы его творчества.

Поговорим о сути дела.

Я уже однажды, около года тому назад, припоминал в подробности Демьяну Бедному все обстоятельства того жуткого вечера, когда мы, жившие в Нейвола, 4-го июля 1917 г., собрались у меня, чтобы побыть вместе и обменяться сведениями, зная что Владимир Ильич решил отдаться в руки правительства Керенского. И тогда, год тому назад,

Демьян Бедный припомнил все это и, в конце концов, не возражал. Теперь почему-то память ему изменила и он нашел нужным выступить против меня по поводу цитаты из его же разговора в этот полный трагизма вечер.

Я утверждаю, что мною процитированы слова Демьяна Бедного совершенно точно и я еще раз напомню ему как это было. Из всех нас, приехавших тогда в Нейвола, только одному Демьяну Бедному посчастливилось увидать Владимира Ильича после того, как он ушел вечером 3-го июля из Таврического дворца. Сосредоточенный, побледневший, волнующийся и подавлявший в себе волнение, Демьян Бедный задушевно рассказывал о своей, как нам тогда казалось, последней встречи с Владимиром Ильичем. Он, как художник, рассказывая, подыскивал и творил образы, картину этого свидания и облик самого Владимира Ильича. Все им так хорошо, удачно и художественно было изображено, что и до сего времени подробно помнится.

В заключение своего рассказа Демьян Бедный произнес те слова, которые теперь, он инкриминирует мне [14]). И я подумал тогда: вот что значит художник слова. Пафос переживаемого, глубоко трагичного, дал пафос высокого образа.

В самом деле что же плохого в том образе, который дал нам для этого момента Демьян Бедный? Я всегда знал Демьяна Бедного не только как многоодаренного поэта, но и как вдумчивого исследователя всевозможной фолькклорной литературы. Я знал его как писателя пристально изучавшаго народные легенды всех веков и всех народов и также очень хорошо знал, что именно оттуда, из этого прикосновения к земле, из этих легенд, былин, сказок, песен, сказаний он черпает очень часто свое вдохновение и именно поэтому он так нередко бывает силен и так народен. Но я не знал, что для него

[14]) См. 107 стр. этой книжки 19—26 строки сверху.

есть запретные легенды, исторические или мифические личности, которых должны быть удалены из арсенала его творчества.

До последнего времени у него этого никогда не было и это **новое** отнюдь не увеличивает его литературное достоинство. Я сотни раз вел с ним беседы о народных героях народной литературы и мне казалось, что ему также всегда было ясно, как и мне, что в изображениях христа лучшими художниками резца, кисти и слова запечатлевался романтический образ мученичества и борьбы за идею своего времени, своего века, почти единственный образ, допускавшийся до такой трактовки всяческой цензурой правительств европейского континента до эпохи великой французской революции, а у нас в России—до самого последнего дореволюцинного времени.

И я полагал, что именно в этом смысле Демьян Бедный применил свое сравнение к Владимиру Ильичу в тот единственный момент, когда и он оставил его одного на квартире тов. Полетаева. Я обращаю тут же внимание Демьяна Бедного, что цитируя свои собственные слова в моей передаче, он **неправильно** приписывает мне, что будто бы я утверждаю, что ему, Демьяну Бедному, «бросилось в глаза» «насколько Ленин в последние дни и т. д.».

Это просто неправда. Я нигде и никогда этого не писал. Я писал не о **«последних днях», а об минутном моменте прощания** Демьяна Бедного с Владимиром Ильичем, писал так, как сам рассказал об этом Демьян Бедный. Мне не нужно, полагаю, об'яснять насколько это различно и насколько это существенно. Демьяну Бедному надо быть осторожнее с цитатами, не искажать их и брать их в том контексте, в котором они написаны автором, а не швыряться ими так, как его, Демьяна Бедного, душеньке заблагоразсудится и будет угодно.

Я совершенно ничего не знаю, что говорил Демьян Бедный с Владимиром Ильичем, когда он «примчал» на автомобиле туда, где скрывался Владимир Ильич, ибо то, что он пишет теперь об этом разговоре ранее мне никогда не приходилось слышать от него. Я тоже никогда не слыхал, что он, Демьян Бедный, в этот суматошный день достал автомобиль и приехал на нем к квартире тов. Полетаева, я только знаю, что мы тогда все ходили пехтурой и автомобиля у нас ни у кого не было, и тогда Демьян Бедный этого нам ничего не рассказывал. Но я знаю наверное, что в этот вечер 4-го июля все мы, и в том числе и Демьян Бедный, были уверены, что и Владимир Ильич, и Зиновьев, и Каменев будут на днях арестованы, так как они условились добровольно сдаться правительству Керенского. Как известно, не предупрежденный о перерешении тов. Л. Б. Каменев сам отдался, согласно уговора, в руки властей временного правительства.

Никаких насмешек, никакой юмористики в наших разговорах в те памятные дни и в разговорах Демьяна Бедного не было и тени. Нам было не до насмешек, не до юмористики: положение дел было слишком серьезно, трудно и угнетающе. Демьян Бедный должен хорошо помнить, что в переубеждении Владимира Ильича не отдаваться в руки юстиции Керенского он не принимал ни малейшего участия, ибо был в это время в Финляндии. Эта честь выпала на долю других товарищей.

Я очень благодарю т. Демьяна Бедного за его похвалу моим «талантам»,—(какая честь!..)—проявленным мною в моих этнографических и исторических изысканиях жизни народных по преимуществу крестьянских масс России, так называемых сектантов. Но я позволю себе скромно напомнить ему, что если говорить о моих «заслугах» в этом деле, то ни как нельзя забыть, что именно в совлечении «небес» на «землю» и в об'яснении классового происхожде-

ния и этого крестьянского движения, является одной из целей и одним из достижений моих многолетних этих исследований. Но я ни как не мог предполагать, что для Демьяна Бедного есть какое то различие в народном творчестве и что он безымянные, но широкораспространенные народные легенды,— каковыми несомненно являются евангельские сказания—делит на «земные» и «небесные». Пора бы бросить эту ерундистику. Писать об этом право-же скучно, а для марксиста непозволительно и зазорно. Впрочем может быть и здесь мы должны искать сокровенный юмористический, насмешливый смысл, столь свойственный нашему прославленному сатирику и баснописцу.

Но, однако и для сатирика и баснописца должно быть обязательным, хотя бы чувство меры... Демьян Бедный навязывает мне то, о чем я не только нигде никогда не писал, но и не мог писать. Он пишет, что я утвержаю, что «Владимир Ильич более был похож на Иоанна Крестителя, особенно в тот момент, когда он после купания выходил в обнаженном виде из финляндского озера». Для подтверждения этой своей мысли он цитирует меня [15]). Прежде всего, я полагаю, что для своих «баснописных» упражнений Демьяну Бедному лучше было бы избрать другой, какой ему угодно предмет, а не личность Владимира Ильича. А во-вторых, я вынужден заявить, что Демьян Бедный здесь говорит просто заведомую неправду, ибо указанная в сноске цитата из моих воспоминаний, которую он приводит, не имеет ни малейшего отношения к описываемому мной купанью Владимира Ильича, где меня, в чем легко может каждый убедиться сам, более всего интересовала спортсменская страстность Владимира

---

[15]) Цитату эту читатель найдет на 66 странице этой моей книжки (8—11 строки сверху). В этой цитате, как и нигде в книжке, нигде нет слов „Иоанн Креститель“ и пр., что приписывает мне Демьян Бедный.

Ильича и его большое достижение в плавании, как одна из черточек его многогранной натуры.

Читателю достаточно перелистать книжку, чтобы убедиться в том, что сцена купанья Владимира Ильича описана мной на страницах 69—71, а цитата об «ничтожных и суетных» находится на 66 странице этой же книжки, т.-е. на расстоянии друг от друга в четыре страницы текста и что и то и другое ни в какой связи между собой не состоят. Само собой понятно, что в таком же соотношении эти ссылки на мой текст находятся не только в выпущенной мной книжке, но и в журнале «Молодая Гвардия», где впервые эти мои воспоминания были напечатаны и на что именно и ссылается Демьян Бедный. Так что совершенно ясно, что здесь Демьяном Бедным совершена передержка, абсолютно не допустимая не только теперь, но даже при самых разнузданных литературных нравах.

Ибо ни то, что он написал значительное количество удачных и художественно-ценных стихотворений и басен, ни то что еще больше написал он совершенно неудачных по форме стихотворных упражнений, ни попытки его «продолжать» Пушкина или излагать библию и народные легенды, ни тот почет и уважение, которыми он заслуженно пользуется среди широких народных масс, ни все его достоинства и недостатки взятые вместе,—отнюдь не дают ему право так распускаться и распоясываться и свою крайне неудачную, если не сказать больше, отсебятину навязывать другим, в этом ничуть не повинным авторам.

Моя цитата, столь не понравившаяся Демьяну Бедному, об ничтожестве и суетности многих из тех, кто прошел передо мною в калейдоскопе долгих наблюдений моих, как раз относится к тем, кто часто, даже без достаточных оснований, мнит о себе очень «высоко и надменно» и нравы которых впо-

следствии Владимир Ильич так замечательно метко окрестил одним словом, вероятно, известным и Демьяну Бедному — я говорю о крылатом словечке Владимира Ильича—о комчванстве. Может быть неудачно—судить не мне,—но вполне искренне, я формулировал, как умел мое отношение, к сожалению, нередко встречающимся в наше время общественным деятелям, к тем, кто получив власть или воссев возле нее, нередко заражается тем грехом, о котором так удачно выразился Владимир Ильич.

Теперь вошло в моду запанибрата похлопывать по плечу Владимира Ильича и заявлять всюду и везде, что мы, мол, вместе «с Ильичем» горы двигали... Но я предпочитаю остаться среди тех, которые зная и чтя Владимира Ильича, считают себя «недостойными развязать ремень у его ноги», понимая, конечно, эти аллегорические слова в том смысле, что Владимир Ильич был **вождем** человечества, а мы—единицами во множественной толпе его партийных современников. Достоинства Владимира Ильича, как вождя в самом широком смысле, столь громадны, что нам простым работникам, до него, как «до звезды небесной далеко». Вот смысл этих моих слов.

Впрочем это для нас, рядовых работников, но, вероятно не для поэтов «божьей милостью», как говорилось раньше в литературных обозрениях.

Я не могу не выразить моего глубокого изумления, что в такой чисто личной заметке, старающейся одного возвеличить и опозорить без малейших причин другого, т. Демьян Бедный не мог воздержаться ни от неправильной передачи мыслей своего неожиданного противника, ни процитировать его так, как есть на самом деле, а совершенно исказил смысл, значение его слов и даже произвольно изменил са-

мое место цитаты... Ранее мне не приходилось встречаться с таким фокусничеством в литературе. Это несомненно нечто новое, и это новое, к величайшему сожалению, принадлежит Демьяну Бедному.

Поистине исполнилось реченное:

> Бывает и орлам
> Пониже кур спуститься...

Я позволяю себе в заключение успокоить не в меру нервного тов. Демьяна Бедного. Вам отнюдь не нужно трудиться писать в «предсмертной записке», чтобы будущие поколения не верили тому, что о Вас будет писать злостный «вспоминатель» Бонч-Бруевич. Несмотря на то, что Вы не раз выражали желание, чтобы я запомнил то или иное из Вашей многокрасочной биографии, ведь, Вы так и изволили выражаться: «запомните», «запишите», «не забудьте», «это для ваших воспоминаний обо мне», и несмотря на то, что Вам, конечно, также известно, что Вы не однажды посылали и передавали мне Ваши произведения и документы на сей предмет,—но несмотря на все это,—писать о вас воспоминаний я отнюдь не собираюсь. Как там не крути, а жить, вероятно, осталось не долго и это «недолгое» необходимо истратить на что-либо более важное, интересное и нужное...

На этот счет будьте вполне покойны.

Владимир Бонч-Бруевич.

ПРИЛОЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДОКУМЕНТОВ, СТАТЕЙ, ПРОКЛАМАЦИЙ, И ПР., ОТНОСЯЩИХСЯ К ЭПОХЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г., ВКЛЮЧАЯ ВЫСТУПЛЕНИЕ РАБОЧИХ и СОЛДАТ г. ПЕТРОГРАДА 3-го ИЮЛЯ 1917 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

МАНИФЕСТ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Ко всем гражданам России.

Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство. Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство. Задача рабочего класса и революционной армии создать **Временное Революционное правительство,** которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя. Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещечьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-мичасового дня и созыв учредительного собрания на основе всеоб-

ной подачей голосов. Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствием населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все полные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением. Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства подавить всякие противонародные контр-революционные замыслы. Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства войти в сношение с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам.

Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть созвано под охраной восставшего революционного народа и армии. **Граждане,** солдаты, жены и матери! **Все** на борьбу! К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками! **По всей России** поднимайте красное знамя восстания! **По всей России** берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу! **По всей России,** по городам и селам, создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепим нарождающийся новый строй,

строй свободы на развалинах самодержавия! Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба! Под красное знамя революции! Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

ПРИЕЗД Н. ЛЕНИНА [16]).

Совершенно неожиданно 3-го апреля была получена в Исполнительном Комитете С. Р. и С. Д. телеграмма, что из за-границы возвращается большая группа эмигрантов и среди них Н. Ленин (В. И. Ульянов), это известие вызвало большое оживление среди социал-демократов; немедленно же было приступлено к организации встречи гостей. Исполнительный Комитет постановил приветствовать Н. Ленина через особую депутацию. Президиум Всероссийского Совещания также послал свою делегацию. Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. немедленно приступил к организации встречи. Время было неудобное: праздник мешал довести до сведения масс пролетариата об этой телеграмме, газет не было,—пришлось оповещать рабочие кварталы путем личного об'езда. Несмотря на то, что в распоряжении устроителей встречи было всего 12 часов, весть о приезде Ленина и других товарищей быстро разнеслась по Петрограду и всколыхнула множество организаций. Войсковые части, получившие об этом извещение, сей-

[16]) Эта статья была помещена без подписи передовицей в № 32 от 5 апреля 1917 в газете „Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов".

час же дали наряды на откомандирование рот для почетного караула на Финляндский вокзал. По телефону сообщили в Кронштадт матросам о приезде Н. Ленина и они тотчас же уведомили, что несмотря на ледоход они пробьются на ледоколе в Петроград и вышлют свой почетный караул и оркестр музыки. Уже с семи часов вечера к Финляндскому вокзалу стали прибывать представители отдельных организаций, районов и к 10 часам вся площадь перед вокзалом была сплошь занята батальонами рабочей армии, а сам вокзал был заполнен частями войск почетного караула, депутациями, несшими свои знамена. Центральный и Петербургский Комитеты прибыли со своими знаменами, вместе с сотрудниками «Правды» и массы рабочих и солдат, собравшихся к дворцу Кшесинской, где помещается Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. Впереди демонстрантов ехал бронированный автомобиль, на котором реяло знамя Р. С.-Д. Р. П. В 11 час. 10 мин. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу; войска взяли на караул под звуки Марсельезы. Морской офицер, сопровождавший Н. Ленина, проведя его по фронту матросов, попросил его вернуться и здесь Н. Ленин произнес первую речь в свободной России революционным войскам. Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших на караул, проходя мимо рабочей милиции Н. Ленин всюду был встречаем восторженно. В парадных комнатах вокзала его приветствовали депутации в том числе представитель Исполнительного

Комитета Н. С. Чхеидзе. Наконец, Н. Ленин на площади. Заволновалось море голов, прожекторы из края в край освещали площадь, реющие знамена, громадные толпы, кричавшие ура, приветствовавшие прибывшего старого солдата революции. Народ требует слова. Ленин поднимается на автомобиль; на площади воцаряется тишина и Ленин произносит первую свою речь к революционному пролетариату Петрограда. Затем Ленина берут броневики на свой бронированный автомобиль и тихим ходом, окруженный многотысячной толпой, он двигается к помещению Петербургского Комитета. Перед помещением Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. огромная толпа народа и здесь с балкона Н. Ленин должен был говорить трижды. Его приветствует тут же польская делегация рабочих с.-д., присоединившая свое знамя к знаменам революционной с.-д. В помещении Петербургского Комитета состоялось большое, торжественное заседание представителей районов Р. С.-Д. Р. П. Петербурга, Кронштадта и окрестностей. Далеко за полночь продолжалось чествование. И только в четвертом часу ночи работники революционной социал-демократии Петрограда покинули зал заседания.

Влад. Бонч-Бруевич.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

ПРОТИВ ПОГРОМЩИКОВ!

К рабочим, солдатам и всему населению Петрограда.

Граждане! Газета «Русская Воля», основанная царским министром Протопоповым и презираемая даже кадетами, ведет погромную агитацию против нашей партии, против газеты «Правда», против наших товарищей: Ленина, Зиновьева, против Петербургского Комитета нашей партии, помещающегося во дворце Кшесинской. Мы имеем ряд сообщений не только устных, но и письменных об угрозах насилием, бомбой и пр.

С первых же дней революции капиталисты, перерядившиеся в «республиканцев», стараются посеять вражду между рабочими и солдатами. Сначала лгали на рабочих, будто они хотят оставить армию без хлеба. Теперь стараются натравить на «Правду».

Мы обращаемся к чести революционных рабочих и солдат Петрограда и заявляем:

Не только не было с нашей стороны ни одной, ни прямой, ни косвенной, угрозы насилием отдельным лицам, а напротив мы заявляли всегда, что

наша задача **раз'яснять** всему народу наши взгляды, что мы считаем **Совет Рабочих и Солдатских Депутатов,** выбранный всеми рабочими и солдатами, **единственно возможным** революционным правительством.

Проехавшие через Германию товарищи **разных** партий **в первый же** день приезда сделали **доклад** доверенным людям **всех** рабочих и солдат, именно: **Исполнительному Комитету** Совета Рабоч. и Солдат. Депутатов. В этом Исполнительном Комитете были Чхеидзе, Церетелли, Скобелев, Стеклов и др.

Товарищи! Эти вожди Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, во многом не разделяют наших взглядов на вопросы государственного устройства. Они не могли действовать из кумовства к нам.

Что же сделал Исполнительный Комитет?

Он **напечатал полностью** доклад о проезде через Германию в своих **«Известиях»** № 32 от 5 апреля 1917 г.

В этом докладе названы все факты и **имена** иностранных социалистов двух нейтральных стран, Швейцарии и Швеции, **проверявших** наши протоколы.

Что же постановил Исполнительный Комитет? Выразил ли он осуждение и хотя бы недовольство проездом Ленина и др. чрез Германию?

Нет. Редакция **«Известий»** в том же № вот как изложила постановление Исполнительного Комитета:

«Исп. Ком., заслушав доклад т. Зурабова и Зиновьева, постановил немедленно обратится к Временному Правительству и принять меры к не-

медленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношения к войне. О результатах переговоров с правительством мы сообщим в ближайшие дни».

Ред.

Всякий видит, что здесь ни слова против Ленина и его товарищей **нет.** Здесь **предостережение** дано Временному Правительству, здесь постановлено **принять меры,** чтобы оно не затрудняло пропуска в Россию.

А после этого телеграмма **Мартова** и арест **Троцкого** в Англии доказали, что Милюков бессилен против Англии и Франции, которые держат в тюрьме своих социалистов-интернационалистов, или что Милюков **не хочет** принять серьезных мер.

Обмен между русскими и немцами за время войны происходил десятки раз. Член Государственного Совета Ковалевский был обменен на австрийца и т. д. Для богатых людей правительства устраивали обмен не раз. Почему же не хочет нынешнее правительство устроить обмен для эмигрантов? Потому, что оно хочет отрезать ряду борцов возможность участвовать в революционной борьбе!!

Что делает «Русская Воля» и идущие по стопам ее газеты в роде «Речи» и «Единства»?

Они продолжают травлю, подстрекая тем темных людей к насилию над отдельными лицами и **не печатают** ни доклада, ни постановления Исполнительного Комитета!.,

Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сообщены имена ряда социалистов, которые проверили и одобрили каждый шаг эмигрантов, связанный с поездкой. Это— **французские** социалисты Лорие и Гильбо, **швейцарский** социалист Платтен, **шведские** социалисты Линдхаген (городской голова Стокгольма). Карлсон, Стрем, Нерман, **германский** социалист из группы **Карла Либкнехта**, Гартштейн, **польский** социалист Бронский.

Такое поведение «Русской Воли», «Речи», «Единства» есть пособничество темным силам, грозящим насилием, погромом, бомбой.

Товарищи, солдаты и рабочие!

Предостерегаем вас против господ «Русской Воли», «Речи», «Единства» и заявляем еще и еще раз: мы за **раз'яснение** всему народу взглядов **всех** партий, мы за **уважение** к Совету Солд. и Раб. Деп.

Если Временное Правительство, если газета «Речь», если г. Плеханов недовольны поведением Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Деп., почему **не заявляют они об этом открыто? Почему не требуют пересмотра?** Почему боятся они перепечатать то, что сказано в «Известиях Совета Раб. и Солд. Деп.» в № 32? Почему?—Потому, что они хотят посеять смуту!

Если будет применено насилие в той или иной форме, мы возлагаем ответственность на редакторов и сотрудников «Русской Воли», «Речи», «Единство» и т. п., осмеливающихся **не печатать** доклада и постановления Исполнительного Комитета и вести темную травлю.

Газета «Дело Народа», в которой близкое участие принимает министр А. Ф. Керенский, уже указала на то, что приемы названных газет помогают погромщикам. («Дело Народа», № 23).

Пусть знают Милюковы, Амфитеатровы, Плехановы и компания, что если из-за их травли начнется применение насилия, оно обернется, прежде всего, против них.

Долой погромную агитацию! Долой героев травли и обмана, скрывающих постановления Исполнительного Комитета!

Товарищи, солдаты и рабочие! Вы не позволите омрачить свободу народа погромами! Вы добьетесь **уважения** к постановлениям **вашего** Совета Солдатских и Рабочих Депутатов! [17]).

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. [18]).

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. [18]).

---

[17]) Это воззвание к населению Ц. К. Р. С. Д. Р. П. (большевиков) и П. К. Р. С. Д. Р. П. (большевиков) написано В. И. Лениным.
Прим. В. Б. Б.

[18]) Эти комитеты были комитетами партии большевиков. В дальнейшем, где имеется такая же подпись читатель должен помнить, что эти комитеты — комитеты Р. С. Д. Р. П. (большевиков).
Прим. В. Б. Б.

Приложение № 4.

ГРАЖДАНЕ!

Мы требуем прекращения погромной агитации и низких клевет на газету **«Правда»**, на Ленина, Зиновьева и других. Мы требуем уважения к постановлению Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, который выслушал доклад эмигрантов и не нашел в их поведении ничего неправильного.

Кто находит решение Исполнительного Комитета неправильным пусть обратиться в Исполнительный Комитет и требует пересмотра его постановления, напечатанного в № 32 «Известий Совета» от 5 апреля 1917 года.

Долой погромную агитацию!

Долой газеты, не перепечатывающие доклада эмигрантов и постановления Исполнительного Комитета!

Мы требуем уважения к постановлениям Исполнительного Комитета, нашего Совета Солдатских и Рабочих Депутатов!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Петроградский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Сообщение Временного Правительства о НОТЕ.

В виду возникших сомнений по вопросу о толковании ноты Министра Иностранных Дел, сопровождающей передачу правительствам декларации Временного Правительства о задачах войны (от 27 марта), Временное Правительство считает нужным раз'яснить:

1. Нота Министра Иностранных Дел была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного Правительства, при чем текст ее принят единогласно.

2. Само собою, разумеется, что нота эта, говоря, о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта и выражены в следующих словах: «Временное Правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения.

Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах».

3. Под упоминаемыми в ноте «санкциями и гарантиями» прочного мира Временное Правительство подразумевало ограничение вооружений, международные трибуналы и проч.

Означенное раз'яснение будет передано Министром Иностранных Дел послам союзных держав.

Резолюция общего собрания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 21 апреля.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов горячо приветствует революционную демократию Петрограда, своими митингами, резолюциями, демонстрациями засвидетельствовавшую напряженное внимание к вопросам внешней политики и свою тревогу по поводу возможного отклонения этой политики в старое русло захвата империализма.

Нота Министра Иностранных Дел от 18 апреля давала основание для такой тревоги.

Временное Правительство совершило акт, которого добивался Исполнительный Комитет. Оно сообщило текст своей декларации от 27 марта об отказе от захватов правительствам союзных держав, тем самым оно ставит их в необходимость высказаться перед лицом своих демократий и всего мира по вопросу о захватах и целях войны вообще.

Однако, нота Министра Иностранных Дел сопроводила сообщения декларации союзным правительствам такими комментариями, которые не могли быть поняты иначе, как попытка умалить действительное значение предпринятого шага. Своим тоном, своими выражениями, своими формулами, взятыми из арсенала ненавистной народу дипломатии старого режима, нота эта была способна возбудить справедливые опасения, будто Временное Правительство намерено в области международных отношений сойти с того пути отказа от захватной политики, на которой оно встало 27 марта.

Единодушный протест рабочих и солдат Петрограда показал и Временному Правительству и всем

народам мира, что никогда революционная демократия России не примирится с возвращением к задачам и приемам царистской внешней политики и что ее делом остается и будет оставаться непреклонная борьба за международный мир.

Вызванное этим протестом новое раз'яснение Правительства, опубликованное во всеобщее сведение и сообщенное Министром Иностранных Дел послам союзных держав, кладет конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии [19]) и тот факт, что сделан первый шаг для постановки на международное обсуждение вопроса об отказе от насильственных захватов, должно быть признано крупным завоеванием демократии.

Заявляя свою непреклонную решимость стоять и впредь на этом пути борьбы за мир, Исполнительный Комитет призывает всю революционную демократию России теснее и теснее сплачиваться вокруг своих Советов и выражает твердую уверенность, что народы всех воюющих стран сломают сопротивление своих правительств и заставят их вступить в переговоры о мире на почве отказа от аннексий и контрибуций.

---

[19]) Обращаю внимание читателей на этот документ, который так ярко показывает нам всю соглашательскую сущность меньшевистского Совета Р. и С. Д. В самом деле надо было быть или просто дурачками и расписаться в полном политическом невежестве, или показать себя примитивными хитрецами; действительными соглашателями с буржуазией желавшими одурачить народные массы. И это второе предположение, конечно, верней. Всякому ясно, что второе заявление Временного Правительства, напечатанное на стр. 141 это книжки (см. приложение № 5)—являлось простой уловкой Милюкова, отводившего глаза пролетариата подачкой, выпрошенной соглашателями для умиротворения вспыхнувшего движения.

Приложение № 7.

ВОЗЗВАНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Ко всем гражданам.

Граждане!

В минуту, когда решаются судьбы страны, каждый опрометчивый шаг грозит нам опасностью.

Манифестация по поводу ноты Правительства по внешней политике привели к столкновению на улицах. Есть раненые и убитые.

Во имя спасения революции от грозящей ей смуты, мы обращаемся к вам с горячим призывом:

СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ, ПОРЯДОК, ДИСЦИПЛИНУ.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обсуждает создавшееся положение. Верьте, Совет найдет пути для осуществления вашей воли. А пока, пусть ничто не нарушает мирного течения жизни в свободной России.

Товарищи солдаты!

Без зова Исполнительного Комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. Только Исполнительному Комитету принадлежит право располагать вами.

Каждое распоряжение о выходе воинской части на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исполнительного Комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше, чем двумя из следующих 7 лиц: **Чхеидзе, Скобелев, Бинасик, Филипповский, Скалов, Гольдман, Богданов.**

Каждое распоряжение проверяйте по телефону № 104-06.

Товарищи рабочие и милиционеры!

Оружие у вас служит лишь защитой революции. В манифестациях и на собраниях оно вам не нужно. Здесь оно становится угрозой для дела свободы. Идя на собрания или демонстрации, не берите оружия с собой.

Исполнительный Комитет призывает все организации помочь ему в поддержании спокойствия и порядка.

Никакие насилия граждан друг над другом не могут быть допушены в свободной России.

Смута выгодна лишь врагам революции. Кто ведет к смуте, тот враг народа. [20]).

Исполнительный Комитет С. Р. и С. Д.

21-го апреля 1917 г.

---

[20]) Эта прокламация меньшевистского Исполнительного Комитета совета раб. и солд. депутатов, преисполненная необ'ятной трусости, была написана, в сущности говоря исключительно против большевиков. Все эти призывы к войскам, чтобы они не выходили из казарм на улицы на вызов без проверки вызова по телефону у одного из меньшевиков комитета, все эти уговоры милиционеров и рабочих оставлять оружие дома—все это начало одного и того же страха перед грозящей опасностью гражданской войны, которая, конечно, могла быть прокламируема только большевиками, ради классовых интересов пролетариата. Правда тогда большевики менее всего об этом думали, так как были заняты делом собирания сил

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

21 апреля, во время уличных манифестаций в Петрограде, имели место провокаторские выстрелы по безоружным гражданам, повлекшие за собой ранения и смертные случаи.

В виду царящего сильного возбуждения, дающего повод к столкновениям разных манифестирующих групп, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в общем собрании своем 21 апреля, для предотвращения смуты, грозящей делу революции, единогласно постановил:

1) В течение двух дней воспрещаются всякие уличные митинги и манифестации.

своей собственной организации, но, как известно, „у страха глаза велики": достаточно было буржуазии и провокаторам Керенского сделать несколько выстрелов на углу Садовой и Невского, как сторонники гражданского мира, классические соглашатели, а потому и предатели интересов рабочего класса, тотчас-же стали закатывать истерики и направлять все свои силы против организации этих неугомонных социал-демократов большевиков, не желавших сводить на нет все достижения, все завоевания февральской революции. Но эта работа меньшевиков, с-ров и других им родственных организаций не имела никакого успеха: дело революции постепенно, но неуклонно переходило из рук соглашателей в крепкие руки пролетариата и его партии—партии социал-демократов (большевиков), ныне коммунистов.

Прим. В. Б. Б.

2) Предателем и изменником делу революции об'является каждый, кто будет звать в эти дни к вооруженным демонстрациям или производить выстрелы, хотя бы в воздух.

3) Случаи стрельбы, имевшие место 21-го апреля, должны подвергнуться самому тщательному расследованию при участии Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. [21]).

Петроградский Совет Рабочих
и Солдатских Депутатов.

21 апреля 1917 г.

---

[21]) Это постановление также писалось против большевиков. Я помню, какое неожиданное разочарование произошло в рядах меньшевиков, когда они прочли широко распространенную резолюцию Ц. К. нашей партии, где это постановление совета Р. и С. Д. одобряется и предлагается к срочному выполнению. Меньшевики очень рассчитывали, что большевики пойдут против совета, а тогда чего же легче об'явить их „изменниками" и расправиться с ними. Но этого удовольствия вожди нашей Партии не предоставили меньшевикам.

Прим. В. Б. Б.

Резолюция Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., принятая утром 22 апреля.

Политический кризис, разыгравшийся 19—21 апреля, следует признать—по крайней мере, в его первой стадии—законченным.

Мелкобуржуазная масса колебнулась сначала от капиталистов, возмущенная ими, к рабочим; а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими «доверие» к капиталистам и «соглашательство» с ними.

Названные вожди пошли на компромисс, сдав целиком все свои позиции, удовлетворившись пустейшими, чисто словесными, оговорочками капиталистов.

Причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно.

Суть кризиса: мелкобуржуазная масса колеблется между старым, вековым, доверием к капиталистам— и озлоблением против них, стремлением довериться революционному пролетариату.

Капиталисты затягивают войну, прикрывая это фразами. Революционный пролетариат один ведет и может вести к окончанию войны путем всемирной

рабочей революции, растущей явно у нас, нароста-ющей у немцев, приближающейся в ряде других стран.

Лозунг: «долой Временное Правительство» потому не верен сейчас, что без прочного (т.-е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата, такой лозунг, либо есть фраза, либо об'ективно сводится к попыткам авантюристического характера.

Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы Рабочих и Солдатских Депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки.

Организация нашей партии, сплочение пролетарских сил оказались явно недостаточны в дни кризиса.

Лозунг момента: 1) **раз'яснение** пролетарской линии и пролетарского пути к окончанию войны; 2) **критика** мелкобуржуазной политики доверия и соглашательства с правительством капиталистов; 3) пропаганда и агитация от группы к группе **среди каждого полка, на каждом** заводе, особенно среди самой отсталой массы, прислуги, чернорабочих, и т. п., ибо особенно на них пыталась в дни кризиса опереться буржуазия; 4) **организация, организация** и еще раз **организация** пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале.

Постановление Петрогр. Совета Р. и С. Деп. от 21 апреля о воспрещении всяких уличных митингов и манифестаций в течение 2 дней должно быть безусловно соблюдено всеми членами нашей пар-

тии. Ц. К. еще вчера распространил с утра и сегодня напечатал в «Правде» резолюцию о том, что «в такой момент бессмысленна и дика всякая мысль гражданской войны», что демонстрации должны быть только мирные и что ответственность за насилие падает на Временное Правительство и его сторонников. Поэтому наша партия все вышеназванное постановление Сов. С. и Р. Д. (в особенности против вооруженных демонстраций и выстрелов в воздух) считает совершенно правильным и подлежащим **безусловному выполнению.**

Мы призываем всех рабочих и солдат тщательно обсудить итоги кризиса последних двух дней и послать делегатами в Совет Р. и С. Д. и Исп. Комитет только таких товарищей, которые выражают волю большинства. Во всех тех случаях, когда делегат не выражает мнения большинства, на фабриках и в казармах, необходимо произвести перевыборы [22]).

---

[22]) Эта резолюция Центрального Комитета Р. С. Д. Р. П. (большевиков) написана В. И. Лениным.

Прим. В. Б. В.

Приложение № 10.

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ.

Товарищи рабочие и солдаты!

Вчера рукой предателей или безумцев на улицах Петрограда расстреливались толпы солдат и рабочих. Были раненые, были убитые.

Исполнительный Комитет Рабочих и Солдатских Депутатов предпринимает строгое расследование событий 21 апреля. К участию в расследовании будут привлечены рабочие и солдаты.

Но, пока, правда, о провокаторских выстрелах еще неизвестна, враги революции поспешат использовать эти выстрелы для возобновления травли между рабочими и солдатами. Они обратятся к вам, товарищи солдаты, и будут обвинять рабочих в пролитии крови наших братьев. Они придут и к вам на заводы, товарищи рабочие, и в гибели ваших братьев будут обвинять солдат. Мы знаем тактику наших врагов, знаем их оружие—клевету и ложь. И против их провокации мы предупреждаем вас.

Товарищи рабочие и солдаты!

Русская революция дала миру невиданный образец союза между рабочими и солдатами. Этот союз составляет главную силу русской революции.

Раньше, когда солдат и рабочий не знали друг друга и шли розно, страдали и те, и другие.

Революция 1905 года была раздавлена царским правительством именно потому, что большинство солдат не уразумело своих коренных интересов и не примкнула к бунтовавшим рабочим и крестьянам. В революции 1917 года дело обернулось иначе: солдаты решительно примкнули к восставшим рабочим. Вместе с ними солдаты выступали против самодержавного правительства и быстро покончили с ним. Так создался тот тесный союз армии и народа, солдат и рабочих, при котором все попытки восстановить старые порядки заранее обречены на неудачу.

Но именно потому тесный союз солдат и рабочих не дает спать врагам народа. Поссорить солдат с рабочими—такова первая забота черной сотни и буржуазии. И мы все знаем, как упорно старались за последнее время враги революции восстановить солдат против рабочих и обратно. Солдатам рассказывали, что рабочие ленятся и не хотят работать, рискуя оставить армию без снарядов. А рабочим нашептывали, будто солдаты собираются силою заставить их работать.

Но все это было напрасно. Единение пролетариата и революционной армии выдержало испытание и не только не ослабело, а, напротив, усилилось и окрепло.

Но, конечно, на этом враги народа не успокоятся. Теперь эти темные силы постараются использовать провокаторские выстрелы, имевшие место вчера на улицах Петрограда, чтобы снова начать свою гнусную кампанию, чтобы разбить союз между рабочими и солдатами.

Но усилия их окажутся и на этот раз напрасными.

Товарищи рабочие! Помните, что ваша священная обязанность заключается в теснейшем единении с революционной армией!

Товарищи солдаты! Ответьте с презрением на все подлые наускивания против народа.

Товарищи рабочие и солдаты! Помните, что в вашем союзе—сила и спасение для всех вас, для всей России, для всего мира. В вашем расколе—гибель для вас.

И потому пусть эти испытания не только не поколеблют вашего единства, но еще более закрепят его и сделают его еще более нерасторжимым.

А враги русского народа пусть окончательно убедятся, что все их попытки восстановить солдат против рабочих заранее обречены на неудачу.

Пусть на головы врагов народа падет пролитая кровь!

Да здравствует свобода! Да здравствует нерасторжимый союз пролетариата и революционной армии!

Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов просит рабочих и солдат все имеющиеся у них сведения о выстрелах 21 апреля сообщить в Петроградский Отдел Комитета.

ОТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

18 июня, толпою лиц, именовавших себя анархистами-коммунистами, были пред'явлены начальнику одиночной Петроградской тюрьмы требования об освобождении некоторых заключенных. Начальник тюрьмы подчинился угрозам, не оказав сопротивления и освободил по указанию анархистов семь арестантов, в том числе обвиняемых в шпионстве Мюллера, Микеледзе, провокатора Стрельченко, трех уголовных преступников и арестованного на фронте поручика Хаустова. За это нарушение служебного долга Временное Правительство предписало начальника тюрьмы отрешить от должности, арестовать и предать суду.

В виду сведений о том, что освобожденные арестанты скрываются на даче Дурново, занятой анархистами, Временное Правительство предписало чрез Министра Юстиции прокурору Петроградской Судебной Палаты произвести на даче обыск и аресты виновных в этом деле лиц при содействии воинской силы, ибо можно было предвидеть вооруженное сопротивление.

Наряд войск вместе с прокурором Палаты прибыл около 4 час. утра 19 июня к даче Дурново; чрез комиссара милиции находившимся в даче было предложено выдать освобожденных арестантов, указать виновников этого нарушения закона и впустить для проверки выполнения этих требований

представителей власти. После переговоров находившиеся в даче отказались исполнить эти требования, вследствие чего прокурор Палаты обратился к содействию военных властей. Войска вошли в дачу, при чем навстречу им было брошено несколько бомб [23]), которые не разорвались, ибо предохранители оказались не снятыми. Все находившиеся в даче, в числе около 60 человек, были арестованы, при этом один из бывших в даче, оказавшийся по документам Асниным, был найден в комнате, где заперся, мертвым с зажатой в руке бомбой. По показаниям свидетелей, он застрелился из револьвера; точное выяснение обстоятельств его смерти производится.

Среди арестованных уже обнаружены некоторые из освобожденных арестантов, выяснение личностей остальных производится, и виновные будут переданы следственным властям, а непричастные к преступным действиям—освобождены. При обыске в даче взято много бомб и огнестрельного оружия.

---

23) Бомбы эти были брошены матросом тов. Железняковым, убитым в декабре 1918 г. на южном фронте, когда он с изумительной стойкостью не только выдерживал атаку белогвардейского броневого поезда, но, находясь рядом со своим броневым поездом на соседнем ж. д. пути,—перешел в атаку, высунулся из бойницы башни броневика и почти в упор расстреливал из наганов белогвардейских офицеров, находившихся в рядомстоящем поезде. Одна из осыпавших его пуль, нанесла ему смертельное ранение и он погиб за народное дело, за пролетарскую диктатуру с оружием в руках, смертью славных бойцов революции Слава ему! Революционная жизнь и борьба этого изумительно красивого, честного, благородного героя Революции—должна быть широко известна народным массам. Биография его должна быть написана.

Прим. В. Б. Б.

Резолюция о текущем моменте совещания Ц. К-та Р. С.-Д. Р. П. и представителей П. К-та, Моск. Обл. Бюро, М. К-та и М. Окр. К-та 13—14 июля 1917 года.

1. Стихийное выступление рабочих и солдатских масс в Петрограде 3—5 июля было вызвано недовольством Временным Правительством, проводившим политику соглашения с помещиками, капиталистами и иностранными империалистами, а потому оказавшимся абсолютно неспособным удовлетворить насущным нуждам страны. Выход из министерства к.-д., желавших развязать себе руки для контр-революционного переворота, послужил внешним толчком для разыгравшихся событий.

2. Наша партия, несмотря на все попытки предупредить готовящийся стихийный взрыв, была поставлена перед фактом выступления. Будучи массовой партией революционного пролетариата, она должна была вмешаться в стихийный ход событий в целях придания движению организованного и мирного характера.

3. Представители партий м-ков и с-ров (советское большинство), вместо того, чтобы итти навстречу движения масс, постараться придать ему организованность, всю свою силу и весь авторитет направили против рабочего и солдатского Петрограда, об'явили его демонстрацию за полновластие Советов восстанием против Советов, разнуздали контр-

революционные элементы в целях разгрома интернационалистского пролетарского крыла и присоединили свой голос к хору голосов грязной, желтой прессы.

4. Такая политика Советов и Вр. Правительства ускорило и облегчило мобилизацию сил контр-революции, которая политически руководима так наз. к.-д. партией, социально опирается на империалистскую буржуазию и помещиков, а боевую силу черпает в верхах командного состава армии.

5. Теперешняя власть (диктатура Керенского, Церетелли, Ефремова), обладает двойственным характером: с одной стороны,—это представительство мелкой крестьянской буржуазии, за которой идет часть рабочих, еще не разочаровавшихся в мелкобуржуазных демократах; с другой —это представительство буржуазных и помещичьих слоев, связанных с союзническим капиталом и идущих к империалистской контр-революции. Между этими фракциями власти идет в настоящее время торг, при чем представители мелкой буржуазии (и в министерстве и в Советах) своею трусостью, изменой революционным принципам и открытым предательством по отношению к революционному пролетариату, все время усиливают позицию враждебных революции классов.

6. Контр-революция, обнаглевшая благодаря попустительству м-ков и с-ров, переходит уже от нападения на б-ков к нападению на Советы и партии Советского большинства. Желая спасти свои позиции от натиска контр-революции, мелкая буржуазия не решается дать сражения этой контр-

и сдавая одну позицию за другой. В результате пролетариат фактически поставлен «вне закона», роль Советов падает и органы революционной власти сменяются учреждениями собственнических групп, идущих под гегемонией империализма (восстановление Гос. Думы, с'езд в Москве и т. д.). С другой стороны, Вр. Правительство контр-революции (репрессии, администр. произвол, военно-полевые суды, гонение на пролетарскую печать, восстановление смертной казни и воскрешение карательных статей уголовного царского кодекса), будет неизбежно вызывать сильнейший отпор со стороны народных масс.

7. Правительство так наз. «Спасение Революции» неспособно осуществить ни одной из коренных задач революции. Оно продолжает под давлением иностранного капитала военно-империалистскую политику предыдущих правительств, которая, выразившись за последнее время в попытке наступления при полном отсутствии возвещенной борьбы за мир, уже обнаружила свои гибельные последствия. В области хозяйственной и политической оно неспособно предпринять ни единой действительно революционной меры для борьбы с экономическим развалом и контр-революцией. Кризис этой власти становится, таким образом, неизбежным.

8. Только такая государственная власть, которая будет опираться на пролетарские массы и беднейшие слои крестьянства, решительно и твердо проводя в жизнь программу рабочих, т.-е. сделать решительные шаги к прекращению войны, порвет

всякое соглашательство буржуазии, передаст землю крестьянам, установит рабочий контроль над производством и распределением, уничтожит все оплоты реакции и т. п.—только такая власть будет жизнеспособна.

9. Добиваясь сосредоточения всей власти в руках революционных пролетарских и крестьянских Советов, мы полагаем, что только при выполнении вышеуказанной программы эта власть может осуществить задачи революции.

10. Задачей пролетарской партии при таких условиях является разоблачение всяких контр-революционных мероприятий, беспощадная критика реакционной политики мелко-буржуазных вождей, укрепление позиций революционного пролетариата и его партии, подготовка сил к решительной борьбе за осуществление программы этой партии, если ход кризиса позволит, в действительно массовом общенародном размере. Этот период подготовки и накопления сил требует от партии использования всех организационных возможностей.

11. В процессе дальнейшего развития революционно-пролетарского движения при растущем сопротивлении буржуазной контр-революции, перед российском пролетариатом—все более резко будут выступать чисто социалистические задачи и революционная борьба русских рабочих будет входить в теснейшую связь с развивающейся революцией в Западной Европе.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ!

Вчера из состава Временного Правительства выбыли некоторые его члены, принадлежащие к к.-д. партии. В виду создавшегося кризиса, было созвано об'единенное заседание Исп. Комитетов Всер. С. Р., С. и Кр. Д., которое должно было вынести решение в качестве полномочного органа революционной демократии всей России о выходе из этого кризиса.

Но работы этого собрания были прерваны вопреки неоднократному предупреждению С. Р. С. и Кр. Д.

Некоторые воинские части вышли на улицу с оружием в руках, стараясь овладеть городом, захватывая автомобили, арестуя по своему произволу отдельных лиц, действуя угрозами и насилием. Явившись к Таврическому дворцу, они с оружием в руках потребовали от Исполнительного Комитета взять всю власть в свои руки. Предложив советам власть, они первые же на эту власть посягнули. Всероссийские исполнительные органы С. Р., С. и Кр. Д. с негодованием отвергают всякую попытку давить на их волю. Недостойно вооруженными демонстрациями пытаться волю отдельных частей гарнизона одного города навязывать всей России.

На ответственности тех, кто осмелился вызывать с этой целью вооруженных людей, лежит та кровь, которая пролилась на улицах Петрограда.

По отношению к нашей революционной армии, защищающей на фронте завоевания революции, эти деяния равносильны предательству. В спину революционной армии, сражающейся против войск Вильгельма, вонзет кинжал тот, кто в тылу посягнет на волю полномочных органов демократии и этим разжигает междоусобие в ее рядах.

Всероссийские органы С. Р., С. и Кр. Д. протестуют против этих зловещих признаков разложения, подкапывающихся под всякую народную власть, не исключая и власти будущего Учредительного Собрания. Всер. Исп. органы С. Р., С. и Кр. Д. требуют раз навсегда прекращения подобных позорящих революционный Петроград выступлений. Всех тех, которые стоят на страже революции и ее завоеваний, Исп. Ком. Всер. С. Р., С. и Кр. Д. призывает ждать решения полномочного органа демократии по поводу кризиса власти. Перед этим решением, в котором скажется голос всей Революционной России, должны склониться все, кому дорого дело свободы [24]).

Исполнительный Комитет Всероссийск. Совет. Раб. и Солд. Деп. и Сов. Крестьянских Депутатов.

[24]) Это обращение, написанное по поводу третьеиюльского выступления рабочих и солдат Петрограда со всеми шовинистическими штучками, включительно до „кинжала“ в спину войск „сражавшихся“ в то время из под палки правительства Керенского с войсками Вильгельма,—написана была меньшевиками всецело по адресу большевиков. Они были уверены что выступление 3-го июля было необычное возмущение масс против их соглашательской работы с буржуазией через все контактные комиссии, а организованное большевиками и конечно, всю свою бешеную злость тотчас же опрокинули на голову нашей организации. Полная подлых намеков публикуемая прокламация являлась необходимым дополнением к тому, что они с таким удовольствием проделали на другой же день грязными руками Алексинского и Бурцева. *Прим. В. Б. Б.*

Художественная библиотека.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Морские рассказы. Цена 1 рубль.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Две души. 2-е издание. Цена 1 р.

ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. Язычники. Повесть. Цена 50 коп.

ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. Тени. Цена 1 руб.

НИКОЛАЙ ЛЕВЧЕНКО. Таежное. Сибирские рассказы. Цена 1 руб.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. А все-таки! Со 105 рис. и обложкой худ. Ф. Кригера. Цена 1 руб.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. В огненном кольце. С рисунками худ. И. И Смукровича. Цена 65 коп.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Мошна туга, всяк ей слуга. Басни с иллюстрациями художника К. Фридберга.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Правда и кривда. Басни с иллюстрациями художника К. Фридберга.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Всякому свое. Басни с иллюстрациями К. Фридберга.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Сытый голодного не разумеет. Басни с иллюстрациями художника К. Фридберга.

Общедоступная библиотека.

№ 1. В. М. БОНЧ-БРУЕВИЧ (ВЕЛИЧКИНА). Песни Революции, с нотами. Предисл. Влад. Бонч-Бруевича Издание 3-е. Цена 5 коп.

№ 2. АВГ. БЕБЕЛЬ. Христианство и социализм. Ответ священнику Гогофу. Перевод **Л. Мандельштам (Кручининой).** С заметкой от редакции. Влад. Бонч-Бруевича. Издание 3-е. Цена 8 коп

№ 3. В. М. БОНЧ-БРУЕВИЧ (ВЕЛИЧКИНА). О священных книгах. С предисловием и примечаниями Влад. Бонч-Бруевича. Издание 2-е. Цена 8 коп.

№ 4. Л. Б. КАМЕНЕВ. Суровые напевы (памяти Н. А. Некрасова). Цена 3 коп.

№ 5. В. М. БОНЧ-БРУЕВИЧ (ВЕЛИЧКИНА). Борец за свободу. Вильгельм Вейтлинг. Биографический очерк Издание 4-е. Цена 3 коп.

№ 6. А. ФОРЕЛЬ. Спиртные напитки, как причина сумасшествия. (Алкоголь и душевные расстройства). Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевич. (Величкиной). Издание 5-е. Цена 5 коп.

№ 7. ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Старым людям на послушанье, молодым — на поученье. Издание 2-е, с 8 рис. и обложкой художника В. В. Спасского. Цена 8 коп.

№ 8. ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Земля обетованная. Изд. 2-е. С 36 рисунками и обложкой художника Аспида. Цена 15 к.

№ 9. ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Проклятие. С 25 рисунками художников А. Комарова и В. В. Спасского. Обложка художника В. В. Спасского. Цена 15 коп.

№ 10. ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. «Живая церковь» и пролетариат. 2-е изд. Цена 20 коп.

№ 11. ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Сохраняйте архивы. Издание 2-е. Цена 3 коп.

№ 13. ОТТО РУНК. Хирург. Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 2-е. С 3 рис. художника И. Гурьева. Цена 10 коп.

№ 15. Ц. С. ГУРЕВИЧ (САМОЙЛОВА). Спартак, предводитель римских гладиаторов. С 20 рис. худ. И. Гурьева. Цена 60 коп.

№ 18. ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Кривое зеркало сектантства. (По поводу 1-го Всероссийского с'езда сектантских сельско-хозяйственных и производственных об'единений). Ц. 8 к.

№ 20. Е. П. РАДИН. Памятка первой помощи на фронте и в тылу. С 10 рисунками в тексте. Изд. 2-е. Цена 3 коп.

№ 21. ЧЕРНЫЕ ПАСТЫРИ. Сборн. стихотворений **Демьяна Бедного, В. Жуковского, Д. Мережковского и А. Хомякова.** С рис. и обл. художника И. И. Смукровича. Цена 10 коп.

№ 22. ЕВГ. РАДИН. Здоровье в твоих руках через физическую культуру. Цена 3 коп.

№ 31. С. Т. СЕМЕНОВ. Внизу. С 3 рисунками художника И. Гурьева. Цена 20 коп.

№ 34. И. ГАУЛЕ. Как действуют спиртные напитки на человека. Перевод с немецкого. В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 5-е. Цена 10 коп.

№ 41. АДЛЕР, В. и ВУРМ, Э. Алкоголизм и рабочие. Перевод с немецкого. К. Михайловой. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

№ 42. БОДРИЛЛАР. Приключения бутылки с вином, рассказанные ею самою. Перевела с французского В. М. Бонч-Бруевич (Величкина). Цена 70 коп.

№ 43. С винтовкой в руках. Сборник стихов пролетарских поэтов о Красной армии. Сост. **Б. Гусман.** С 10 рисунками и обложкой худ. Б. Владимирского. Цена 15 коп.

№ 44. НИКОЛАЙ ТЯПУГИН. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. Цена 75 коп.

